

ЭРНСТ ГЕНРИ

**СОЦИАЛ-
ДЕМО-
КРАТЫ**

НА
ПЕРЕ-
ПУТЬЕ

Эрнст Генри

СОЦИАЛ-
ДЕМО-
КРАТЫ
НА
ПЕРЕ-
ПУТЬЕ

Издательство „Международные отношения“ - Москва 1969

Что происходит сегодня с международной социал-демократией, которая все еще объединяет в своих партиях 15 млн. человек и ведет за собой 72 млн. избирателей? Каков итог ее деятельности за последние полвека? Чего достигли социал-демократы по сравнению с коммунистами? Могут ли они найти дорогу в будущее? Возможно ли сегодня на деле, на практике, единство действий между социал-демократами и коммунистами?

На эти вопросы отвечает в своей брошюре известный советский публицист и историк Эрнст Генри.

Оглавление

ПОЛУВЕКОВОЙ ЭКЗАМЕН — 3

ШЕСТЬ КАРДИНАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ — 10

БЕГ НА МЕСТЕ — 18

ГЛОБАЛЬНОЕ ПОРАЖЕНИЕ — 32

ДВА ПУТИ — 54

Эрнст Генри

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Редактор *Б. Л. Цыбулевский*. Обложка художника *А. Н. Тихомирова*. Художественный редактор *Г. Ф. Скачков*. Технический редактор *А. А. Павловский*. Корректор *Н. А. Борисова*. А02323. Сдано в набор 7/1 1969 г. Подписано в печать 11/11 1969 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 4,3. Тираж 8000 экз. Издательство «Международные отношения». Москва, И-90, Мещанская, 7. Зак. № 3. Типография издательства «Международные отношения». Москва, Г-21, Метростроевская, 53. Цена 14 коп.

1—6—3

БЗ № 58—68 № 4

Полувековой экзамен

Полстолетия — немалый срок по нашим временам. За 50 лет почти всегда окончательно выясняется личная судьба человека: чего он достиг, в чем себя оправдал, в чем не успел и потерпел неудачу. То же можно сказать об идеях и партиях; полвека достаточно для того, чтобы собрать материал для их оценки, прийти к выводу об их жизненности и значении для общества. Наша эпоха решает эти вопросы быстрее и определеннее, чем любая предыдущая, и имеет на это право. Таких бурных и значительных лет, какие пережило нынешнее поколение, еще не бывало. Переоценка ценностей происходит изо дня в день. Проверку, генеральный исторический экзамен проходит каждая идея, каждая политическая организация, и право на переэкзаменовку получают не все.

Для коммунистов, например, 50-летний итог ясен. Со времени Октябрьской революции они создали систему, охватившую треть населения земного шара. Партия, которая полвека с лишним назад была широкой публике на Западе почти неизвестна, совершила глобальный переворот, после которого все в мире начало неудержимо меняться. Современность немыслима без коммунистов. Как бы кто к ним ни относился, ясно, что историческая инициатива перешла к ним, и что ведут человечество в XXI век они.

«Вулканические» перемены произошли и с партиями на другой стороне политического фронта. Здесь история тоже черкала и перечеркивала, невзирая ни на какие привычные представления и устои. Такая крайне правая партия, как фашисты, сначала захватила почти всю Западную Европу, но потом потерпела разгром и все потеряла. Либеральные партии буржуазии, еще в начале века господствовавшие в большинстве западноевропейских государств, почти повсеместно сошли со сцены и едва ли когда-нибудь вернутся назад. Клерикалы, сменившие во многих капиталистических странах у власти старых либералов и консерваторов, пытались

за это время создать свою «христианскую Европу», но тоже были отбиты, хотя игру все еще продолжают.

Все крупные политические партии в мире прошли через бури, и след остался на каждой. Историк проверяет и переоценивает. Но как выдержала полувековой экзамен еще одна важная партия, действующая в международном масштабе, — социал-демократия? Какие отметки у нее?

Вопрос этот действительно представляет немалый интерес, и не только для тех, кто занимается прошлым. На протяжении многих десятилетий между социал-демократами и коммунистами идет большой, горячий спор. Кому вести рабочий класс? Кто лучше представляет интересы народа? Более 50 лет назад, когда с расколом мира на две системы этот спор принял новый характер, у историка было мало материала. Ни коммунисты, ни социал-демократы (в прошлом левые и правые социалисты) до этого никогда нигде не правили странами. Ни те, ни другие еще не могли привести в свою пользу ничего, кроме теоретических аргументов и общих рассуждений. Но уже в 1917—1918 годах положение стало иным. И коммунисты, и социал-демократы начали приходить к власти в различных странах. Опыт, накопившийся с того времени, поистине необъятен. Сегодня вопрос о том, чем разрешился спор между коммунистами и социал-демократами, можно поставить всерьез. Людям достаточно известно, что те и другие принесли миру.

Подводить исторические итоги можно по-разному. Оставим в стороне программные вопросы и теоретические споры. Налицо конкретные факты; ограничимся ими.

Значение и вес партий нередко оценивают с помощью цифр. Политика — не арифметика. На большие вопросы общественной жизни цифры дают ответ отнюдь не всегда и иногда даже в чем-то их затемняют. Но разобраться в положении все же цифры помогают, особенно если видеть их в движении. Сила идей, несомненно, прежде всего выражается в том, сколько людей они к себе привлекают.

50 с лишним лет назад число коммунистов в мире едва ли превышало 400 тыс. человек. В социал-демократических партиях тогда же насчитывалось свыше 3 млн. человек. Десяток лет спустя (точнее — в 1928 г.) коммунистов было 1,6 млн., социал-демократов — 6,5 млн.:

вчетверо больше, чем коммунистов. В настоящее время число социал-демократов составляет 15 млн., число коммунистов — 50 млн. Коммунистов стало втрое больше, чем социал-демократов. Позиции переместились. То, что за полвека произошло в мире, отразилось на убеждениях людей.

Ограничиться этим сравнением все же нельзя. Когда речь идет о политическом весе и влиянии партий, дело, конечно, не только и не столько в числе их сторонников, сколько в мощи завоеванных ими позиций, в том, насколько им удалось продвинуться вперед по пути осуществления своих целей. Что говорит карта мира, если сравнить позиции коммунистов и социал-демократов?

Коммунисты за полвека пришли к власти в 14 странах, расположенных в трех частях света и насчитывающих свыше миллиарда жителей. Социал-демократы в настоящее время единолично правят в двух странах Европы с населением 62 млн.: в Англии и Швеции. В шести других европейских странах с населением 128 млн. — в Западной Германии, Италии, Швейцарии, Бельгии, Люксембурге и Исландии, а также в миниатюрной республике Сан-Марино — социал-демократы участвуют в коалиционных правительствах, возглавляемых буржуазными партиями; в одной стране — Финляндии — они возглавляют коалиционное правительство, в которое входят представители буржуазных партий и коммунисты. За пределами Европы социал-демократы и партии, входящие в их интернационал, в настоящее время правят или стоят во главе правительства в Израиле, Венесуэле и шести бывших колониальных странах: в маленькой республике Сингапур, на островах Ямайка, Тринидад, Мадагаскар и Маврикий и в Гайяне.

Глядя ныне на карту мира, действительно можно сказать: великое национально-освободительное движение нашего времени прошло мимо социал-демократии, и социал-демократия прошла мимо него. Это один из самых знаменательных фактов эпохи.

Таково соотношение обеих партий на весах политической географии. Если сравнить территории, на которых пришли к власти коммунисты, с территорией, где социал-демократы в настоящее время возглавляют правительства или хотя бы в них участвуют, то доля коммунистов на карте мира в 15 раз больше доли социал-демократов. Но и это сравнение далеко не точно.

Руководимые коммунистами страны составляют теперь целую мировую систему. О «социал-демократических» странах, за исключением, может быть, Швеции, говорить нельзя. Верно, что миллионы людей в некоторых государствах по сей день голосуют за социал-демократов. В 12 странах (Англии, Швеции, Австрии, Норвегии, Дании, Австралии, Новой Зеландии и др.) за них голосуют свыше 40% избирателей, в шести — свыше 30, в четырех — свыше 25%. Во всем мире партии Социалистического интернационала собирают на парламентских выборах около 73 млн. голосов. Это объясняется частично силой традиций, частично — незнанием и непониманием избирателями политики коммунистов, частично же тем, что многие рабочие, а еще больше служащие и мелкие буржуа все еще надеются получить от социал-демократов давно обещанные социальные реформы. Социал-демократические министры действуют в очень многих буржуазных странах. Но социал-демократические режимы нигде не стабильны.

Социал-демократические правительства и правительства с участием социал-демократов приходят и уходят. Положение в странах, где эта партия пользуется влиянием, меняется, как правило, каждые несколько лет. Потеря стольких-то сотен тысяч голосов на выборах может быть достаточна для того, чтобы место социал-демократов у власти заняли правые буржуазные партии. Реформы, проведенные социал-демократами, могут уже в ближайшие годы быть отменены или сведены на нет реакционными правительствами. Идет чехарда правительств, чехарда режимов, чехарда в законодательстве. Никакого последовательного проведения хотя бы минимально социалистической программы в этих условиях нет и быть не может; государство остается в руках буржуазии.

Иначе говоря, какой-либо «социал-демократической системы» или зоны в мире не существует по сей день; есть только всплывающие и вновь исчезающие социал-демократические островки. Сколько времени тот или иной островок продержится над водой, никто, и меньше всего сами социал-демократы, сказать не может; все зависит от непредвиденных дуновений политической погоды.

В Англии, например, нынешнее лейбористское правительство Вильсона в течение целых полутора лет

(вплоть до перевыборов) держалось в палате общин большинством в три голоса; отсутствие одного лейбористского депутата по болезни, простая случайность при голосовании могли привести к падению кабинета. Весной 1968 года после девальвации фунта стерлингов и резкого повышения цен и налогов кабинет Вильсона, несмотря на наличие довольно значительного арифметического большинства в палате общин, снова начинает шататься. Лейбористская партия терпит сокрушительные поражения на дополнительных выборах в парламент в отдельных округах, и консерваторы готовятся сместить Вильсона.

В Западной Германии социал-демократы в течение 20 лет после войны не допускаются к власти: парламентское большинство у клерикалов и их союзников. В 1965 году социал-демократическая партия ФРГ прилагает отчаянные усилия, чтобы получить на выборах перевес над клерикалами, а тем самым и право создать свое правительство по типу лейбористского кабинета в Англии. Ничего не получается: социал-демократы повышают свою долю в числе поданных на выборах голосов с 31,8% в 1957 году до 39,3%, но доля клерикалов все еще выше. Клерикалы берут несколько социал-демократических министров в свой новый кабинет, но сразу же становится ясно, что они будут терпеть их в правительстве только до тех пор, пока социал-демократы будут исполнять их волю и пока приток правых голосов на выборах не позволит реакции заменить социал-демократических министров другими партнерами, возможно даже неофашистами.

Не иначе обстоит дело в других странах, где социал-демократы делят власть с правыми партиями. Повсюду, в любой стране и в любой момент они могут оказаться за бортом. Даже в бастионе современного правого социализма, в Скандинавии, это отнюдь не исключено. В последние несколько лет, как мы увидим, социал-демократические партии в Норвегии и Дании терпят поражения на выборах и теряют государственную власть. Дело обстоит так, что по-настоящему социал-демократы за 50 лет не завоевали ни одной страны.

Встает вопрос: чего же в таком случае они за столь длительный срок добились? Сотни книг и тысячи статей написаны их деятелями на эту тему. Нельзя отрицать, что в некоторых странах Запада по инициативе социал-

демократов за это время были проведены реформы и мероприятия, улучшившие условия жизни трудящихся и расширившие их права. Это произошло, например, в Англии и скандинавских странах. Историк не был бы историком, если бы этого не отметил. Но в то же время бросается в глаза другое.

Нигде, ни в одной стране, где социал-демократы в период между 1917 и 1969 годом находились у власти, капиталистический строй не был устранен или хотя бы расшатан. Даже там, где социал-демократы в то или иное время добивались прочного, абсолютного большинства в парламенте — того чудотворного арифметического большинства, дожидаться которого их сторонники призывались десятилетиями, — даже там старое классовое общество осталось непоколебленным. Социал-демократические реформы повсюду останавливались на полпути, до коренных социальных преобразований дело не дошло нигде. Социализм остался на бумаге. Никто теперь всерьез даже не оспаривает, что подлинная, верховная власть во всех этих странах по-прежнему фактически принадлежит финансовой олигархии.

В августе 1966 года австрийский социал-демократ Мессенбок писал в венском журнале «Цукунфт»: «Вместо того, чтобы, как требовал Маркс, всеми силами воздействовать на общество и изменять его, социалистические партии сами изменились во время длительного процесса приспособления (к капитализму. — Э. Г.). Они все больше вливали воду в вино и стали провинциалами. Социалистам Бельгии, Франции, Великобритании, Дании, Норвегии и Швеции удавалось, правда, возглавлять правительства, но они не создали социалистического общественного порядка. Они стали — и становятся — жертвами своей собственной политики приспособления».

В устах социал-демократа это горькие, но правдивые, честные слова. От идеи создания социалистического общества и в практике, и в теории социал-демократов остались только жалкие, почти не заметные следы. Мало того, сегодня можно считать окончательно доказанным, что именно их соучастие в буржуазных правительствах за последние полвека помогло временно стабилизировать капитализм на Западе. Никакая другая сила не содействовала этому в большей мере, чем социал-демократия; все буржуазные политики это теперь признают. Буржуазия не только не боялась социал-демо-

кратов, она нуждалась в них для укрепления своей собственной власти. В ряде случаев она сама призвала их. Осуществляя половинчатые реформы, выгодные большей частью и самому капиталу, удерживая массы от решительного натиска в борьбе за власть, воюя с коммунистами, социал-демократы повсюду в своей «сфере влияния» оберегали государства буржуазии. В настоящее время эта сфера, если включить в нее не только страны с социал-демократическими правительствами, но и государства с социал-демократическими министрами в буржуазных коалиционных правительствах, составляет по площади одну восьмую часть Европы. Это все, что социал-демократия «приобрела» на карте мира за 50 лет. Но даже эта часть Европы в действительности принадлежит не ей.

Очень многие из социал-демократов начинают теперь все это сознавать и думать заново.

Почему так произошло? Чем объяснить, что за все это время социал-демократии удалось свершить так мало?

Заниматься детальными исследованиями в этой области мы не можем. Но отметить главное, основное теперь не так уж трудно: после 50 лет главное само бросается в глаза. Попытаемся вспомнить о прошлом без резкости и горечи, принимая в расчет и на этот раз только сами факты.

Шесть кардинальных вопросов

Когда будущий историк начнет взвешивать роль и значение больших политических партий, действовавших в нашу эпоху, он будет сравнивать их не только по числу их сторонников, по размерам территории, которой они управляли или в управлении которой участвовали, по влиянию, которое они оказывали на государственную жизнь стран. Еще больше заинтересует его, что эти партии сами дали миру, в котором действовали, в чем они помогли людям нашей эпохи жить, бороться за свое будущее и свою безопасность, как разобрались в поставленных эпохой проблемах, где справились с ее заданиями и где спасовали.

Так подойдет к вопросу ученый, для которого все уже будет в прошлом и каждая жгучая дилемма нашего времени так или иначе решена. Но такие же вопросы уже вправе поставить перед собой и современник, оглядывающийся на жизнь своего поколения. Пусть для него еще не все окончательно решено, не все еще ясно. Пусть тот или иной вопрос будет проверен только завтра. Но многое — бесконечно многое по сравнению с опытом тех, кто жил до него, — он видел и узнал сам.

Есть по крайней мере шесть кардинальных вопросов, на основе которых можно сейчас произвести широкую историческую оценку двух партий, о которых идет речь. Первый вопрос: что сделали коммунисты и социал-демократы в 30-х годах, чтобы преградить путь фашизму, предотвратить приход Гитлера к власти?

Как много зависит от ответа на этот вопрос, говорить не приходится. Фашизм привел мир на край бездны. В текущем тысячелетии человечество, вероятно, никогда не переживало такие страшные бедствия, как при Гитлере, и раны еще не залечены. Репутация каждой большой политической партии будет еще долгое время в немалой доле определяться тем, как она может отчитаться за те годы.

Мнений по этим вопросам может быть много, оправдательных объяснений еще больше, но бесспорные факты

таковы. Коммунисты осознали угрозу фашизма с самого начала, призвав к решительной, непримиримой борьбе с ним. В Германии они из года в год требовали принятия решительных мер против гитлеровской партии, беспощадного суда над фашистскими бандитами, расследования тайных связей нацистов с промышленными и финансовыми магнатами. Если бы эти мероприятия были своевременно проведены, Гитлер не смог бы захватить Германию. Нельзя вычеркивать этот факт из протоколов истории. Нельзя отрицать, что организованные в рядах коммунистов рабочие действовали в донацистской Германии против фашистов до последних дней, хотя и наталкивались на ожесточенное сопротивление полиции. Нацисты не случайно объявили коммунизм врагом № 1. Если бы это зависело только от коммунистов, в Европе не было бы Гитлера.

Иначе приходится ответить на вопрос социал-демократам. Они действительно имели возможность остановить Гитлера, сломать нацизму хребет еще до того, как он набрал силу и захватил Германию. В течение 13 лет, с 1919 по 1932 год, то есть как раз в годы роста и наступления фашизма, прусская полиция непрерывно и фактически бесконтрольно управлялась социал-демократами. Прусский министр внутренних дел Зеверинг не раз мог арестовать Гитлера и предать его суду как политического бандита и заговорщика. Не было даже попытки это сделать. Когда в 1932 году фон Папен росчерком пера изъясил прусскую полицию из ведения Зеверинга, коммунисты предложили ответить генеральной забастовкой; социал-демократы сказали «нет». Все предложения коммунистов объединить рабочее движение для решительной борьбы с фашизмом неизменно отклонялись политиками социал-демократии: они делали ставку не на рабочий класс, а на военщину, которая потом и передала власть Гитлеру.

Мы хотим быть справедливыми. Нельзя отрицать, что созданию единого антифашистского фронта в 20-х и начале 30-х годов серьезно мешала левосектантская ошибка коммунистов, называвших социал-демократов «социал-фашистами». В одни скобки брались и правые реформистские лидеры, для которых главным был не антифашизм, а антикоммунизм, и честные социал-демократические рабочие, ненавидевшие фашизм не менее, чем коммунисты. Впоследствии эта позиция была осуж-

дена VII конгрессом Коминтерна. Все это известно. Но столь же верно, что само возникновение и распространение этой теории в немалой степени объяснялось поведением социал-демократических лидеров, в особенности в Германии. Любой добросовестный историк, к какому бы направлению он ни принадлежал, не может не прийти к выводу, что социал-демократия без боя сдала нацистам Веймарскую республику, которую сама же основала. Она не просто «проглядела» фашизм; она, фактически, по сути дела, расчистила ему путь перед тем, как он набросился на Европу. Так мало она разбиралась в положении и в том, что нужно было делать.

Второй кардинальный вопрос: что сделали социал-демократы и коммунисты, чтобы предотвратить вторую мировую войну, а затем чтобы ее выиграть?

Здесь все свежо в памяти еще живущего поколения, и особых доказательств с обеих сторон не требуется. Ясен и критерий. Единственное, что могло остановить беснующегося Гитлера в 30-е годы, было объединение европейских держав в систему коллективной безопасности: ничто другое его не пугало. Формула «мир неделим» и программа объединенных действий против фашистской агрессии были тогда выдвинуты коммунистами. Если бы эта программа была своевременно принята Западом, Гитлер не мог бы развязать войну; всемирной антифашистской коалиции он боялся как огня. Когда эта коалиция с опозданием на несколько лет все же возникла, главный удар фашизма выдержал и главный удар по фашизму нанес Советский Союз — бастион коммунизма. Без этого бастиона вторая мировая война была бы проиграна. Едва ли найдется человек, который этого теперь не знает.

Социал-демократия в тот же период осталась в тени; это лучшее, что можно сказать об ее роли в десятилетия, когда решалась судьба мира. Не участвуя в самый последний предвоенный период в правительствах великих держав Запада, она не несет прямой ответственности за мюнхенское предательство и срыв плана коллективной безопасности. Но за что-то она все же отвечает. Она не сделала того, что могла сделать: не пошла на единый фронт с коммунистами в решающие годы, отказалась в 1936 году устами французского социалистического премьер-министра Блюма оказать помощь истекавшим кровью антифашистам в Испании («принцип невмеша-

тельства»), не призвала в год Мюнхена народы Англии и Франции к решительному сопротивлению катастрофической политике их правительств и в лице того же Блюма даже поддержала эту политику, не потребовала быстрой заключения соглашения с СССР.

Сложив руки, предоставляя правым партиям править Западной Европой, она наблюдала за приближением войны. Когда же война началась, правая социал-демократия оказалась вне центрального руководства мировых антигитлеровских сил. Рядовые социал-демократы в оккупированных фашистами странах повсюду участвовали в движении Сопротивления. Но во главе правительств держав антифашистской коалиции социал-демократических лидеров не нашлось; им эта роль оказалась не по плечу. Факт таков, что правительству коммунистов в Советском Союзе пришлось спасать положение в сотрудничестве с правительствами консерватора Черчилля и либерала Рузвельта, впоследствии и с правительством генерала де Голля. Сыграть историческую роль реформистам снова не пришлось. Возглавить великую антифашистскую борьбу народов они не сумели. После того, что произошло в 20-х и 30-х годах, народы не доверяли их лидерам. Признать за социал-демократией смягчающие обстоятельства трудно и в этом случае.

Третий, для современника еще более острый вопрос: что сделали обе партии в послевоенные годы, чтобы остановить «холодную войну» и добиться мирного существования? Может ли правая социал-демократия отыграть и исправить свой исторический счет, отвечая хотя бы на этот вопрос? Видимо, нет. Приходится констатировать, что она и на этот раз не сумела сделать того, чего требовала эпоха.

Правда, ее сторонники обычно утверждают, что к «холодной войне» социал-демократия отношения не имела и не имеет: после второй мировой войны она будто бы представляет самостоятельную силу, непричастную к враждующим блокам и выступающую за некий «третий», особый путь. Это неверно.

Социал-демократия в послевоенные годы никогда не занимала самостоятельной позиции на международной арене. Много в мире было бы сегодня иным, если бы это было не так. Истина заключается в том, что правые социал-демократы примкнули к западному блоку в мо-

мент, когда он был создан; и в отличие от таких отнюдь не левых буржуазных политиков, как де Голль, они не вышли из него по сей день.

Достаточно вспомнить, что к числу инициаторов создания НАТО наряду с Даллесом, Черчиллем и Аденауэром принадлежали такие виднейшие руководители европейской социал-демократии, как Бевин и Эттли. Генеральным секретарем НАТО еще в недавнее время был лидер правых социалистов Бельгии Спаак. В Западной Европе едва ли найдется такая социал-демократическая партия, правое крыло которой не поддерживало бы «холодную войну». Известны социал-демократические деятели, которые открыто призывали сбросить атомную бомбу на советские города.

Как уже сказано, мы вспоминаем об этом не для того, чтобы сводить счеты. Но подводить исторические итоги нужно, невзирая на лица.

Признаков, что правая социал-демократия в целом пересматривает свое отношение к «холодной войне», пока не заметно. Правительство лейбористской партии продолжает выступать за «атлантизм», подпирая американскую политику и в Европе, и в Азии. Правое крыло участвующей в итальянском правительстве социалистической партии Ненни и сегодня отказывается потребовать выхода Италии из НАТО. Социал-демократические министры в ФРГ не только поддерживают НАТО, но помогают боннским реваншистам укрепить американско-западногерманский военный союз. Похоже ли это на «третий» путь?

В опубликованном в 1962 году проекте декларации Социалистического интернационала было сказано: «Мы ничего не желаем так страстно, как мира». Допустим, что это так. Но факты налицо. Идея мирного сосуществования была выдвинута не социал-демократами, а коммунистами. Проект роспуска военных блоков и создания общеевропейской системы безопасности был разработан в Москве, а не в кабинетах Социалистического интернационала. Никакой особой социал-демократической силы, действующей за прекращение «холодной войны», в мире все еще нет. Алиби в связи с этой войной социал-демократия предъявить не может.

Четвертый вопрос: как отнеслись обе партии к всколыхнувшему весь современный мир национально-освободительному движению?

Что касается коммунистов, то раздумывать над ответом не приходится ни минуты. Без их помощи и участия грандиозные победы национально-освободительного движения после войны едва ли были бы возможны. Что касается социал-демократов, то даже многим из них самих теперь трудно поверить ответу на этот вопрос. Европейская социал-демократия совершенно не поняла исторического значения национально-освободительных революций. Не поняв, она сама же выключила себя из громадной части глобальной политической арены, а во многих местах даже надолго восстановила против себя народы этой зоны. Хотя в последние годы европейские социал-демократы стали пытаться исправить свой гигантский просчет и уже признают право колониальных народов на независимость, прошлого из истории все же и здесь не вычеркнешь.

Достаточно вспомнить об освободительных войнах и движениях в Индокитае, Индонезии, Малайе, Алжире, Конго, Гане, Нигерии и других странах. Европейская правая социал-демократия не вступалась за права народов этих стран, она даже не ограничилась хотя бы молчанием. Почти во всех случаях она одобряла колониальные походы, в некоторых же (Малайя, Индонезия) — была их инициатором.

Верно, что лейбористское правительство Эттли после войны согласилось на предоставление независимости Индии и Пакистану. Но это было сделано только после того, как Британская империя стала трещать по всем швам, и английским позициям в Азии грозил взрыв; известно, что впоследствии даже английским консерваторам пришлось держаться того же курса. Нынешнее лейбористское правительство Вильсона еще совсем недавно само вело колониальную войну в Южной Аравии, по сей день поддерживает американцев во Вьетнаме, по-прежнему пытается договориться с расистами в Родезии.

Социал-демократия не принесла народам Азии, Африки и Латинской Америки ничего, кроме разочарования. На эти народы приходится сегодня свыше двух третей населения земного шара. Когда колониализм окончательно проиграет свою игру, социал-демократия убедится, что она потерпела еще одно из тех страшных поражений, которые трудно исправить.

Пятый и для миллионов людей, вероятно, самый важ-

ный вопрос: что сделали социал-демократы и коммунисты, чтобы приблизить осуществление главной цели социализма — переход к бесклассовому обществу? Если исходить из того, ради чего были основаны обе партии, то ответ на этот вопрос действительно надо считать решающим.

Ответ коммунистов известен всем. Они основали ряд государств, из которых одно, первое, уже объявило о начале развернутого коммунистического строительства. Все, что теперь делают коммунисты СССР — их политика, их экономическое и культурное строительство, их дипломатия, их повседневный труд, — направлено к созданию общества, которое было предсказано Коммунистическим Манифестом. Другой цели у коммунистов нет.

Ответ социал-демократов на тот же вопрос не столь четок, но все же достаточно ясен. После 50-летней мировой бури правые социал-демократы вообще перестали говорить о бесклассовом обществе.

Это бесспорный факт; свидетельством служат нынешние программы правосоциалистических партий. Современная социал-демократия не только не участвует в активной борьбе против капитализма, она не хочет иного общества. Все, о чем она теперь говорит, это так называемое «общество всеобщего благоденствия», то есть нынешний государственно-монополистический строй в западных странах, укрепленный и застрахованный реформами лейбористского типа. Такой строй и рассматривается правыми социал-демократами наших дней как предельная, конечная цель; дальше, по их мнению, дороги нет. Все, что когда-то вдохновляло социалистические партии, побуждало их работать и бороться, снято с учета. Идея реформированного, но вечного капитализма сменила идею равенства людей. В то же время правосоциалистические партии во многих странах даже официально, в своих программах, перестали считать себя частью рабочего движения. Они столь же охотно приглашают и вербуют в свои ряды буржуазию, включая богатых бизнесменов, как трудящихся.

Итог сверки по этому вопросу следующий. Что предвещают коммунисты современному миру? Начало великой эры справедливого общества — не когда-нибудь в неопределенном будущем, а в текущую эпоху. Что предвещают и предлагают социал-демократы? По сути дела,

с небольшими поправками — то же, что и было. С точки зрения рядового человека, перечитывающего досье обеих партий и думающего не столько о вчерашнем, сколько о завтрашнем дне, это и решает.

Можно, наконец, поставить еще один кардинальный вопрос. Хотя обычной деятельности политических партий он прямо не касается, во второй половине XX века его включает в повестку дня сама жизнь. В чем коммунисты и социал-демократы помогли современному миру раздвинуть горизонты своей планеты, расчистить путь творщей небывалые чудеса науке?

Еще вчера ставить такой вопрос было невозможно; он к делу не относился. Сегодня историку-критику без него не обойтись. Наука стала сверхскоростным двигателем мирового прогресса, и каждая большая политическая партия обязана дать отчет о том, в чем она ей помогла.

Все, независимо от политических убеждений, согласится в одном. Никогда, даже через десятки тысяч лет, не будет забыто, что первым проложило человеку дорогу во Вселенную государство, созданное коммунистами. Вслед за ним на тот же путь вступило государство американской монополистической буржуазии. Социал-демократия, хотя она и была причастна к руководству теми или иными государствами, к великим открытиям нашей эпохи отношения не имеет. Она прошла мимо них, и они мимо нее.

Подытоживая все вышесказанное, приходится сделать такой вывод. Социал-демократия не создала ничего великого за эти полстолетия. Она не совершила великих революций, не построила великих государств, не дала людям великих мыслей. Она бесплодна.

Мы пытались в деловом порядке сравнить полувековые балансы социал-демократов и коммунистов по шести графам. Каждый раз мы проверяли, как эти партии решали проблемы, которые ставило перед нами время. Но мы все-таки еще не удовлетворены нашей проверкой. Попробуем перепроверить по-другому: вспомним, что за этот срок произошло с отдельными социал-демократическими партиями.

На карте современной Западной Европы наблюдается странная картина. Из всех партий в этой части мира самой крупной, несомненно, можно считать социал-демократию. Число поддерживающих ее избирателей составляет здесь от четверти до половины всех голосующих на выборах. Это — внушительная сила; любая партия с таким количеством сторонников вправе занимать ведущее положение в государственной жизни своих стран. Фактически же дело обстоит так, что социал-демократические правительства существуют теперь только в двух странах Западной Европы — в Англии и Швеции. Во всех остальных государствах (за исключением Финляндии) правят либо клерикалы или возглавляемые ими коалиции, либо другие буржуазные партии и, наконец, фашисты. Одна седьмая площади Европы — вот все, что социал-демократия в данное время может считать своим. Завтра, в случае новых неудач на выборах, и от этого может ничего не остаться.

Диспропорция между числом сторонников и занятыми позициями явная. Силы такие, что с ними можно было бы перевернуть политические горы. Позиции сравнительно второстепенные, разбросанные по флангам. Власть в крупнейших капиталистических странах континента — во Франции, ФРГ, Италии — принадлежит другим. Похоже на то, будто социал-демократия сама не стремится расширить свое влияние в государствах Западной Европы.

Это неверно. Совершенно ошибочно думать, что социал-демократы не хотят создавать свои собственные правительства и управлять странами. Напротив, их устремления неизменно направлены к этому.

Так было за все последние 50 лет.

Два раза в течение этого периода наступал момент, когда, как казалось, социал-демократия была близка к тому, чтобы завоевать всю или почти всю Западную Европу, взять ключи истории в этой части мира в свои руки. В первый раз такая возможность открылась перед ней после первой мировой войны. В 1918 году социал-де-

мократы образовали свои правительства в Германии и Австрии и тогда же заняли ведущее положение в правительствах Венгрии и Польши (кабинеты Карольи и Пилсудского-Морачевского). В 1919 году они пришли к власти в Чехословакии (правительство Гусара) и вошли в правительство Болгарии. В 1921 году крайне правый реформист Бономи был назначен премьер-министром Италии, в 1924 году социал-демократы стали у руля в Англии и Дании, в 1928 году было создано первое социал-демократическое правительство в Норвегии, несколько позже — в Швеции. В 30-х годах социал-демократия очутилась у власти даже в Испании (кабинет Кабальеро). Почти по всей Западной Европе, хотя и не одновременно, перед социал-демократией широко раскрывались двери.

Многим рядовым социал-демократам в то время казалось, что цель действительно близка: еще одно усилие, и половина континента станет управляться руками Социалистического интернационала. Произошло совсем другое. Уже к концу следующего десятилетия западная половина Европы оказалась в руках фашистов.

Во второй раз история расчистила путь социал-демократам в годы после второй мировой войны. Измученные ураганом страшных лет люди стали вновь миллионами голосовать за социалистов. К власти в Англии с невиданным большинством пришло лейбористское правительство Эттли; три пятых депутатов палаты общин поддерживали новую власть. Вскоре после этого социал-демократические правительства или правительства во главе с социал-демократическими премьер-министрами появились во Франции (кабинеты Гуэна, Блюма, Рамадье), в Бельгии (кабинеты Ван-Акера и Гюисманса), Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии (кабинет Фагерхольма), Исландии. В Австрии премьер-министром, затем президентом стал социал-демократический лидер Реннер, в Италии, Голландии, Швейцарии и Люксембурге социал-демократы получили места в коалиционных правительствах. В Западной Германии социал-демократическая партия собрала на выборах в первый бундестаг 9 млн. голосов, возглавила несколько правительств земель и выдвинула кандидатуру своего лидера Шумахера в преемники Аденауэра.

За исключением ФРГ, фашистской Испании и Португалии, ультраклерикальной Ирландии и княжества Лих-

тенштейн, в Западной Европе в первые послевоенные годы не было ни одной страны, где бы социал-демократия не стояла у руля или не участвовала в правительстве. Это был беспрецедентный факт: власть сама просилась в руки. Массы опять ждали от социал-демократов больших дел. Уже поговаривали о вероятности появления на мировой арене могущественной «третьей силы» во главе с виднейшими правосоциалистическими политиками Бевином и Блюмом. Социал-демократия вновь располагала возможностью взять на себя подлинное руководство Западной Европой и закрепиться в странах этого района. Но она отступила и на этот раз. Сегодня руководство континентальной Западной Европы всецело принадлежит клерикалам и другим правым буржуазным партиям.

Что мешает социал-демократии? Почему, располагая огромными политическими ресурсами, командуя большими армиями избирателей, она так и не сумела добиться цели? Ведь можно с уверенностью сказать, что теперь она дальше от нее, чем полвека назад.

Проверим на примере ведущих социал-демократических партий, что, собственно, произошло.

Две партии издавна стояли у руля европейской социал-демократии: германская и английская. Каждая считалась примером для других, каждой приписывался большой, несравненный опыт и каждой наверняка предсказывали скорую окончательную победу в ее стране. После первой мировой войны за лейбористами и германскими социал-демократами пошла значительная часть населения Англии и Германии. Считалось, что, когда эти две партии, действующие в ключевых государствах Западной Европы, закрепят за собой абсолютное большинство мест в парламентах, они никому больше власти не уступят, а начнут мирным, законодательным порядком осуществлять идеи социализма. На этом основании даже рядовые социал-демократы нередко отказывались сотрудничать с коммунистами. Предполагалось, что социал-демократия обойдется без них.

В течение последних 50 лет в Германии и Англии, как и в ряде других стран Запада, способность социал-демократии завоевать буржуазное государство и продвинуть его на путь социализма была испробована на практике.

Экзаменатором была сама жизнь. Экзаменующимся были предоставлены все условия: ясность предложенных вопросов, беспримерно длительный срок для подготовки, даже возможность несколько раз переэкзаменовываться. Можно, конечно, допустить, что экзамен все еще продолжается. Но после 50 лет современники все же вправе спросить, какие результаты он дал по сей день.

Самой сильной, самой блистательной из социал-демократических партий мира когда-то считалась германская. Ее называли «классической» партией старого Социалистического интернационала. Ее авторитет был непререкаем, ею восхищались, у нее учились. Число ее парламентских мандатов аккуратно возрастало из десятилетия в десятилетие. В 1871 году германская социал-демократия получила на выборах 3% всех голосов, в 1881—6, в 1890—20, в 1898 году — 27%. Ее старый заслуженный руководитель, ветеран рабочего движения Бебель был настолько уверен в близости победы и начале социалистической перестройки Германии, что еще в 1891 году на партийтаге в Эрфурте публично заявил: «Великая встряска придет раньше, чем ожидают. Лишь немногие в этом зале не увидят ее собственными глазами».

«Великая встряска» пришла четверть века спустя. Ноябрьская революция 1918 года в Германии, сокрушившая кайзеровский режим, действительно передала руководство государством социал-демократам. Все было в их руках: правительство, армия, полиция, администрация, финансы, контроль над промышленностью. На выборах в учредительное собрание Веймарской республики в 1919 году социал-демократическая партия получила 37,9% голосов, вместе же с независимыми социал-демократами — 45,5%. Народ ждал одного слова социал-демократов, чтобы вступить на путь социализма. Но уже через несколько лет после ноябрьской революции стало ясно, что социал-демократы добровольно вернули власть буржуазии.

Можно считать доказанным, что ничто не вынуждало их это сделать. Германский рабочий класс был готов защищать революцию и социализм от кого бы то ни было; это подтвердилось в дни капповского путча в 1919 году, когда трудящиеся Германии в течение нескольких дней растоптали реакционных заговорщиков. Если бы социал-демократы пошли тогда по пути укрепления республики, сделали хотя бы первые шаги по дороге к социализму,

они помогли бы изменить не только судьбу Германии, но и всю историю Европы в нашем столетии. Каждый, кто сегодня глядит назад, видит, что у них была такая возможность, что, воспользовавшись ею, немецкие социал-демократы могли действительно сыграть историческую роль. Они поступили иначе. Оказалось, что именно рабочего класса правая социал-демократия и боялась больше всего. Массам был дан приказ отступить; против коммунистов, требовавших осуществления социалистической программы, были брошены войска. Вслед за тем началась систематическая сдача завоеванных революцией позиций — одной за другой.

Кто помнит Германию тех лет, этого не забудет; трагедия старой партии Бебеля, отказавшейся от своего социалистического прошлого, развертывалась у всех на глазах. Коммунисты были оттеснены. Но власть утратили социал-демократы. Через 15 лет после создания в Германии первого социал-демократического правительства страной завладел Гитлер. С неумолимой точностью выяснилось, что фактически, не сознавая этого, социал-демократия все это время работала на фашизм. По сути дела она совершила самоубийство.

Проверяем другой счет этой партии — послевоенный. Идет ли германская социал-демократия сегодня во второй раз по тому же пути? Многие в ее собственных рядах этого опасаются. История не повторяется, но рецидивы бывают. Очень похоже на то, что правая социал-демократия опять там же, где была в 20-х годах. На сцене в ФРГ те же силы: псевдodemократические буржуазные политики, играющие с социал-демократами в коалиционную игру; короли монополий и реваншистские генералы, забравшие в свои руки подлинную власть и втихомолку готовящиеся к новому сговору с фашистами; крупная социал-демократическая партия, располагающая поддержкой почти 40% избирателей, из года в год предсказывающая свою близкую победу, а тем временем минирующая под собой почву сговором с непримиримыми врагами социализма. Когда в 1966 году после парламентских выборов реакционной клерикальной партии ХДС/ХСС в ФРГ угрожает потеря власти, спасает ее именно социал-демократия, вступая в «большую коалицию» с реваншистами Кизингером и Штраусом.

За 20 лет коммунисты Восточной Германии вместе с объединившимися с ними в СЕПГ социал-демократами

построили новое социалистическое государство. За те же 20 лет правое руководство социал-демократии Западной Германии помогло реваншистам построить *их* государство. Это и остается записанным в истории. Несмотря на все, что произошло и происходит в Европе, правосоциалистическая партия ФРГ и в 1969 году — за НАТО, за продолжение западногерманских вооружений, за чрезвычайное законодательство, предусматривающее применение армии против населения и расчищающее путь военной диктатуре. Как сможет эта партия при такой политике теперь защищать демократию и самое себя?

«Я считаю,— заявляет в мае 1968 года один из видных социал-демократических публицистов ФРГ,— что социал-демократы делают большую ошибку, решив поддержать чрезвычайные законы. Опасность прихода к власти полуфашистских сил отнюдь не миновала, и тогда многие социал-демократы сами окажутся в тюрьме». Миллионы людей в ФРГ думают так же, вспоминая о прошлом. Но это нисколько не помешало почти всем социал-демократическим депутатам в бундестаге в те же дни проголосовать за чрезвычайные законы. Что это — сила «привычки» или всосавшаяся в кровь политика?

Еще рано судить о том, предстоит ли и современной германской социал-демократии подойти к порогу политического самоубийства; все зависит от того, куда в критический момент повернет ее руководство и что на этот раз скажут ее члены. Но уже сейчас бесспорно одно: германская социал-демократия потеряла 50 лет. Если бы Бебель и Вильгельм Либкнехт, ее основатели, при которых она казалась гигантом, увидели, что стало с их партией после полувековой пробы, они были бы потрясены до глубины души. За ней и сейчас идет большое число избирателей, она и сегодня обладает немалым количеством парламентских мандатов, в ее рядах 710 тыс. человек (в 1947—1948 гг. в ней числилось 900 тыс. человек). Но вершит дела в ФРГ не она, и предложить германскому народу ей, помимо сговора с крупной буржуазией, по существу, опять нечего. Последний съезд этой партии, состоявшийся в Нюрнберге в марте 1968 года, подтвердил, что лидеры германских реформистов ничего нового не придумали. Несмотря на огромный опыт прошлого, несмотря на нарастание серьезной оппозиции в рядах их партии и профсоюзов, они продолжают топтаться на месте.

«Освободительная борьба современного рабочего класса — это самая славная и великая освободительная борьба, какую только знает всемирная история, и столетия немецкого позора смываются тем фактом, что немецкая социал-демократия идет в авангарде этой борьбы», — писал старый немецкий марксист Франц Меринг в своей книге «История германской социал-демократии», опубликованной 70 лет назад. Тогда к этой партии принадлежали Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Лео Иогихес, сам Франц Меринг и многие другие настоящие социалисты, создавшие впоследствии коммунистическую партию Германии. Она и переняла историческую миссию, выполнения которой Меринг ждал от старой партии Бебеля. Но сама немецкая социал-демократия отвернулась от тех, кто ее строил и предназначал ей великое будущее. Она пошла по тому же пути, по которому ринулась немецкая буржуазия, — по пути вниз.

А ведь не многие политические партии имели за истекший период столько реальных возможностей выполнить свои старые обещания, как немецкие социал-демократы. Каждый раз, когда жизнь подводила их руководителей близко к цели, они поворачивали назад и убегали. Каждый раз, когда нужно было сделать всего лишь один решительный шаг вперед, чтобы открыть дверь в социалистическое будущее, им становилось не по себе, и они тут же выискивали повод, чтобы остановиться, не двигаться дальше. Обрушиваясь на коммунистов и других левых, требовавших дела, они передавали ключ от будущего тем, кто дверь к социализму в Германии наглухо запирали вновь. И, наоборот, во всех случаях, когда в наступление переходили враги социализма, правые лидеры немецкой социал-демократии держали руки по швам, не смеядохнуть.

Все указывает на то, что нынешнему поколению этих лидеров хотелось бы и в остающихся десятилетиях XX века не двигаться с места или кружить на том же месте. Но слишком много переэкзаменовок история все же не допускает.

Больше ли удалось совершить за то же время второй из «великих» социал-демократических партий — английским лейбористам? Как будто, да.

Лейбористская партия считала себя дальновиднее и

умнее немецкой социал-демократии. Верно, что она действительно проводила более тонкую политику. Условия ей благоприятствовали. Лейбористам не приходилось вступать в открытый сговор с разъяренной контрреволюционной буржуазией, склонять колени перед фашизмом, а на другой стороне фронта — сталкиваться с массовой компартией. В отличие от германских социал-демократов, они избегали в мирное время участвовать в буржуазных коалиционных правительствах. Имея дело с более умной и изощренной буржуазией, маневрируя в более спокойных условиях и располагая возможностью негласно договариваться с верхушкой правящего класса, руководители лейбористской партии не боялись время от времени проводить умеренные, давно назревшие реформы (законы о здравоохранении и социальном страховании, национализация нескольких — большей частью убыточных — отраслей хозяйства).

Таким путем английские социал-демократы упрочили за собой репутацию более смелых и успешных политиков, чем их собратья в Германии. Шесть раз за 50 лет они создавали свое правительство и за этот срок управляли Англией в общей сложности в течение 12 лет. На выборах в 1966 году за ними пошли 47,9% избирателей. Но завоевать страну не удалось и им.

Все, чего лейбористская партия добилась за это время, это право сменять консерваторов, когда правой партии приходится трудно, и затем уходить, в свою очередь: право качаться на государственном «маятнике». Власть лейбористских правительств и лейбористская программа реформ всегда зависят от политической погоды. Столько-то голосов больше для лейбористов на выборах — шаг вперед; столько-то голосов меньше — шаг (иногда два) назад. «Маятник» продолжает качаться; куда он качнется, решает не лейбористская партия. Простая паника на лондонской или даже на нью-йоркской бирже может прикончить любое лейбористское правительство. На таких условиях английская социал-демократия допускается к власти.

Ни для кого в Англии не секрет, что британский правящий класс со своей стороны полностью поддерживает эту систему, гарантирующую его неприкосновенность; касаться основ капиталистического строя лейбористская партия не смеет. По заявлению вице-председателя финансово-экономической группы лейбористской парла-

ментской фракции Д. Дикенса, сделанному в феврале 1968 года, 5% взрослого населения современной Англии владеют 75% всей частной собственности в стране. Четыре пятых экономики страны по-прежнему остаются в руках частного капитала; одна пятая, переданная лейбористами в государственную собственность, управляется совместно монополистической и лейбористской бюрократией. Дальше английская социал-демократия не идет. По официальным данным, 345 тыс. семейств в Англии живут «на грани бедности», 3 млн. семейств проживают в трущобах. Тем временем многие из лейбористских руководителей, не оставляя своих постов, сами переходят в класс капиталистов. Когда в 1963 году умер тогдашний лидер лейбористской партии Гэйтскелл, оказалось, что он оставил после себя состояние в 80 тыс. ф. ст.

Удерживаться у власти лейбористам становится все труднее. В 1968 году их правительство, с таким трудом укрепившее свое положение после перевыборов весной 1966 года, снова под угрозой. Население волнуется, кабинет Вильсона, пытающийся разрешить нарастающие экономические трудности в стране с помощью старых методов капиталистических правительств — девальвации, повышения налогов и цен, замораживания заработной платы, — оказывается на глазах у всех неспособным справиться с положением. На внешнеполитическом фронте — ни одного успеха. Оставаясь в плену старой «атлантической» политики Черчилля — блока с американскими империалистами и западногерманскими реваншистами, — Англия под лейбористским правлением продолжает терять позиции и упускать возможности на международной арене. Буржуазия злорадствует, консерваторы требуют перевыборов. Завтра «маятник» может еще раз окончательно качнуться назад, и шестому лейбористскому правительству придет конец.

Надо еще раз подчеркнуть, что британская социал-демократия действовала умнее и тоньше, чем германская, и может вписать в свой счет некоторые реформы (у германской на счету нет ни одной). Но сказать, что она выдержала полувековой экзамен на социализм, нельзя и про нее. Когда на первых послевоенных выборах в Англии в 1945 году лейбористы нанесли консерваторам неслыханное поражение и заняли в палате общин 393 места из 640, английские рабочие не допускали сомнений, что строительство социализма в их стране начнется зав-

тра же. Популярный среди них лозунг гласил: «Социализм в наше время!». Но на британском острове произошло, в сущности, то же, что когда-то в Веймарской Германии. Несмотря на шесть лейбористских правительств, хозяйном Англии осталась буржуазия.

По стопам социал-демократии Германии и Англии шло все эти десятилетия большинство остальных правосоциалистических партий Европы. Было бы упрощением утверждать, что все они копировали политику двух «старших» партий; национальные особенности несомненно давали себя знать. Но в главных вопросах политики и тактики правые социал-демократы других стран большей частью все же избирали либо «немецкий», либо «английский» вариант. Отдельно отметить стоит лишь социал-демократов Австрии и Швеции. Первые пытались применить и усовершенствовать на свой собственный лад «опыт» германской партии, вторые — развить и улучшить лейбористский вариант.

Австрийская социал-демократия 50 лет назад тоже принадлежала к внутреннему ядру международного реформизма и тоже не сомневалась, что ей предстоит великое будущее. Ее лидеры, создатели «австромарксизма», пользовались репутацией лучших теоретиков Социалистического интернационала в области борьбы с коммунистами. Книги О. Бауэра, К. Реннера и других австромарксистов, проповедовавших достижение парламентского большинства голосов в качестве единственного пути к социализму, считались социал-демократическим евангелием.

Собрав после первой мировой войны свыше 40% голосов на выборах и образовав свое правительство, австрийская социал-демократия полагала, что окончательный переход страны под ее управление — вопрос завтрашнего дня. После этого с ней произошло то же, что с германской социал-демократической партией: она начала год за годом сдавать позиции и пятиться назад. Сначала власть у нее вырвали клерикалы, разоружившие с ее согласия рабочих. Затем, с той же неумолимой последовательностью, как в Германии, пришел фашизм. Австромарксизм, учивший, что все дело в подсчете парламентских голосов, умер в концентрационных лагерях Гитлера.

Переучилась ли австрийская социал-демократия после войны? Никаких признаков этого не заметно, и все говорит о другом: после падения фашизма она, опять-таки по примеру германской социал-демократической партии, начала все сначала. Когда австрийские клерикалы не могут образовать собственное однопартийное правительство, социал-демократы вступают с ними в коалицию, помогая правым сохранить власть. Когда — как это произошло в Австрии в 1966 году — клерикалы добиваются большинства и выдворяют социал-демократов из правительства, социал-демократы ждут следующих выборов. Но образовать свое собственное правительство им не удастся уже свыше 20 лет.

Партия, насчитывающая более 700 тыс. членов и собирающая почти 43% избирателей страны, остается политически бесплодной. Предложения коммунистов объединить рабочее движение в решительной борьбе против клерикального режима, за укрепление австрийского нейтралитета, за подлинное продвижение к социализму наталкиваются на неизменный отказ. Имея перед собой трагический пример судьбы германской социал-демократии и своей собственной судьбы в 30-х и 40-х годах, австрийские правые социалисты все-таки и во второй раз идут по этому пагубному пути.

Тем не менее они по-прежнему претендуют на идейное руководство международным реформизмом. Их представитель Питтерман занимает пост председателя Социалистического интернационала, один из их руководителей Б. Каутский-младший (сын Карла Каутского) считался в послевоенные годы виднейшим теоретиком правого социализма. Оказалось, что сын стоит значительно правее отца. Когда несколько лет назад была опубликована написанная Б. Каутским новая программа австрийской социал-демократии, стало известно, что о создании бесклассового общества там вообще нет ни слова. Вся Австрия была настолько ошеломлена, что один из клерикальных лидеров заявил: социалисты «переряжаются в буржуазную одежду». На следующий день после опубликования этой программы Б. Каутский был назначен заместителем генерального директора крупнейшего венского банка «Кредитанштальт». Поглощение социализма государственно-монополистическим капитализмом — вот все, что могут напоследок предложить давнишние учителя Социалистического интернационала.

Бег на месте — таков, судя по всему, закон движения европейской социал-демократии. В самый динамический период истории ее партии не решаются двигаться вперед. Есть ли исключения? Можно ли найти такую социал-демократическую партию, которая действительно добилась чего-то существенного за последние десятилетия?

На Западе нередко утверждают, что такая партия есть. Речь идет о шведской социал-демократии, которая почти непрерывно управляет своей страной уже на протяжении 36 лет и за это время, по ее уверению, создала некое новое «общество благосостояния». Но дело все-таки не так просто.

Верно, что шведская социал-демократия собирает на выборах половину всех голосов и что в ее партии состоит свыше 880 тыс. членов; в ее ряды входит каждый девятый швед. Верно, что шведским социал-демократам удалось улучшить материальное положение населения в большей мере, чем правым социалистам в какой-либо иной стране. Но верно и другое.

Никаких коренных общественных перемен в Швеции за это время не произошло. Социал-демократы заседают в правительстве, но государство по-прежнему принадлежит монополистам и фактически управляется буржуазией. В Швеции частный капитал владеет еще большей долей промышленности, чем в Англии. На него падает 90% промышленной продукции, и он почти полностью контролирует самые важные отрасли экономики. 99% тоннажа судоходства и судостроения, 93% стоимости сталелитейной продукции, 90% оборота оптовой торговли контролируются частными предприятиями. 15 олигархических семейств — Валленберги, Юнсоны, Брустремы, Боньеры, Ветье, Веннер-Грины и др. — господствуют над шведской экономикой. В стране 3 тыс. миллионеров. И не случайно, что, по данным 1968 года, примерно каждый четвертый предприниматель и руководитель предприятия в Швеции на выборах голосует за социал-демократов.

На съезде шведской социал-демократической партии в 1964 году было объявлено, что назначение национализированного сектора экономики таково: играть роль своего рода предохранительного клапана, открывающегося в периоды серьезных экономических затруднений, иначе говоря, тогда, когда частный капитал сам не в состоянии справиться с делами без помощи управляемого социал-

демократами государства. На такое «общество благосостояния» олигархия вполне согласна.

Не иначе распределяются роли и в государственном аппарате этого общества. Подсчитано, что на представителей буржуазии и помещиков, составляющих 6% населения Швеции, приходится 80% постов в министерствах и других государственных ведомствах, на представителей рабочих — 1%. Чиновники министерства иностранных дел по-прежнему вербуются исключительно из среды крупной буржуазии и дворянства. Аппарат внешней политики страны остается в руках класса, управлявшего ею веками. Состав государственной бюрократии таков, что, по признанию буржуазного исследователя Ландштрема, современная Швеция во многом напоминает общество, существовавшее «до появления в стране демократии и парламентаризма».

Есть и другие цифры, касающиеся классовых порядков в этом «социал-демократическом государстве». Рабочий класс в современной Швеции составляет около половины всего населения. Но студенты — выходцы из этого класса — составляют только одну пятую долю учащихся высшей школы. Мало того. В тех отраслях, которые по окончании учебы дают наиболее высокооплачиваемую работу, число детей рабочих еще меньше — оно не достигает, по некоторым данным, и одной десятой. Это ли государство «демократического социализма»?

Шведские правые социал-демократы могут сказать, что кому бы ни принадлежало государство, высокий уровень жизни в руководимой ими стране — факт. Но необходимо учесть одно обстоятельство. Поддерживать этот уровень жизни позволяет социал-демократии не столько их собственная политика, сколько особенности шведской экономики с ее высокоразвитой, до предела специализированной промышленностью и соответственно направленной внешней торговлей. Нельзя, наконец, забывать, что Швеция, помимо Швейцарии, — единственная страна Европы, которая уже свыше полтора столетия не участвовала ни в какой войне. Шведские социал-демократы продолжают традиционную внешнюю политику шведской буржуазии, основанную на неизменном нейтралитете, и выигрывают на ней. Специфика шведской социал-демократии действительно существует. Но в немалой доле она основывается на специфике самой Швеции.

Таковы итоги 50-летнего испытания «гвардии» между-

народной социал-демократии. Результаты по отдельным партиям подтверждают общий баланс. Если сопоставить срок и достижения, то наличие огромного дефицита несомненно. Изменить общественный строй на началах социализма социал-демократия не попыталась нигде. Даже закрепиться у власти в рамках буржуазного строя ей не удалось ни в одной стране, кроме той же Швеции. Повсюду, где народ передавал правым социал-демократам власть, они рано или поздно сдавали ее чужому классу. Как сказано в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, «история доказала бесплодность реформистского пути». Взлет и падение, взлет и падение — таков был путь социал-демократических партий.

50 лет назад правые социалисты считали, что возьмут ключи европейской, а вслед затем и мировой политики в свои руки и оттеснят коммунистов далеко на задний план. Случилось иное. Социал-демократия потерпела тяжелое историческое поражение. Ее незавидное положение на карте современного мира вполне закономерно. Но пока мы почти все время смотрели только на одну часть этой карты — на Европу. Необходимо перепроверить наши выводы в глобальном масштабе.

Уже говорилось о том, что в первую половину нашего столетия социал-демократию нельзя было считать по-настоящему мировой, международной силой. Ее влияние распространялось почти исключительно на один материк; мир за пределами Европы ее мало интересовал. Даже в главной капиталистической стране, Соединенных Штатах, число членов социал-демократической организации и сегодня не превышает 3 тыс. человек, хотя здесь, казалось бы, реформисты, специализирующиеся на классовом сотрудничестве и антикоммунизме, должны были бы располагать особенно широким полем деятельности. Если не считать партий лейбористского образца в Австралии, Новой Зеландии и Канаде, крупных организаций за океаном у социал-демократов прежде не было. Примерно четыре пятых территории земного шара десятилетиями фактически оставались за чертой их деятельности.

Не изменилась картина и в первое время после второй мировой войны, когда на трех континентах всколыхнулись и начали страстно искать путей к социализму колониальные и полуколониальные народы. Не признав национально-освободительного движения, повернувшись к нему спиной, а в ряде районов и прямо выступив против него, старая правая социал-демократия вновь отрезала себя от огромной части мира. В отличие от коммунистов — партии которых уже в 1917—1922 годах действовали в 18 колониальных и зависимых странах, а в настоящее время представлены более чем в 50 странах «третьего мира» — она продолжала оставаться, по существу, типично западноевропейской партией. Ее руководители все еще считали, что в XX веке, как было в XIX, этого достаточно, чтобы влиять на судьбы человечества.

Оказалось, что социал-демократия совершила гигантский просчет и спутала века. В десятках стран, занявших уже вскоре после войны важнейшие позиции на мировой арене, она осталась за бортом. Удельный

вес социал-демократии в международных политических расчетах сразу же снизился. Поняли это ее руководители довольно поздно.

Но что произошло с тех пор — после того, как европейские социал-демократы, столкнувшись с совершившимся фактом освобождения колониальных и полуколониальных народов, начали одумываться, а их единомышленники за океанами — спешно создавать собственные партии?

Удалось ли социал-демократам за это время, если не догнать коммунистов, то хотя бы заложить для своей партии надежный, прочный фундамент на континентах «третьего мира»? Можно ли утверждать, что правая, типично реформистская социал-демократия играет сегодня сколько-нибудь значительную роль, хотя бы на одном из них?

Вопрос этот безусловно представляет немалый интерес. В истории международного рабочего движения ему будет посвящена особая, новая глава.

Когда реформисты поняли, что они теряют в «третьем мире», они мобилизовали все свои силы. Времени, чтобы выправить положение, у их сторонников за океанами в последние 15—20 лет было достаточно. Ни в Азии, ни в Латинской Америке, ни в Африке события не закрывали им дороги. Напротив, целые страны на этих континентах стояли в истекший период как бы на перепутье, выбирая направление, изучая европейские примеры, напряженно и мучительно доискиваясь образца, которому следовать. Реформисты были на месте почти повсюду. Новые или заново созданные социал-демократические организации заявляли о себе в десятках заокеанских стран, лидеры со свежими программами сидели в своих кабинетах, кое-где и в депутатских или министерских креслах, связи с европейскими социал-демократическими партиями были налажены. Все, как будто, было готово для наступления. Но глядя на нынешнюю партийно-политическую карту «третьего мира», мы видим, что расчет не оправдался. Лицо Социалистического интернационала и сегодня — лицо типично западноевропейское. Попытка сделать это объединение глобальной силой не удалась.

Проверим по карте. Начнем с Азии.

Когда социал-демократия возникала и становилась на ноги, Азия считалась непроницаемой для социализма.

До первой войны этот гигантский континент был наглухо закрыт даже для местных либералов. Но в середине нашего века Азия внезапно оказалась такой же плодотворной и ненасытной почвой для рабочего движения, какой за сто лет до этого стала Европа. Целые народы в разных частях Азии начинали думать и мечтать о социализме. Колониализм был отброшен, обращен в бегство или вынужден к отступлению. Охранявшиеся им феодальные порядки рушились. Молодая национальная буржуазия в странах, где ей удавалось захватить руководство национально-освободительным движением, оказывалась неспособной к действию без рабочего класса, крестьянства и прогрессивной интеллигенции. Ее партии приходили к власти, но народные массы нуждались в собственных партиях. Было ясно, что тем, кто сумеет стать во главе социалистических движений азиатских народов, предстоит большое будущее. Какие силы смогли после войны мобилизовать в Азии коммунисты, известно всем. Чего добились азиатские социал-демократы?

Вначале казалось, что они не теряют времени. Уже через два года после войны в Дели собралось совещание трех главных реформистских организаций в Азии: социалистической партии Индии и только что основанных социалистических партий Бирмы и Индонезии. В январе 1953 года был предпринят дальнейший шаг. В столице Бирмы Рангуне была созвана конференция девяти социал-демократических партий, на которой под названием «АСК» («Азиатская социалистическая конференция») было провозглашено создание чего-то вроде азиатского социалистического интернационала.

Внешне этот интернационал выглядел довольно внушительно. На сцене выступали лидеры правых социалистов Индонезии, Бирмы, Индии, Пакистана, Японии, Малайи, Израиля, Ливана, Непала. Общее число членов их партий превышало полмиллиона. Председателем «АСК» был избран известный бирманский реформист, генеральный секретарь правящей бирманской лиги «АЛНС» У Ба Све, секретарем — индонезийский социал-демократ Виджойа. Было объявлено о существовании некоего нового «социалистического учения для Азии»; давалось понять, что азиатская социал-демократия, выступающая как против империализма, так и против коммунизма, объединяется, координирует свою дея-

тельность и готовится к большим делам. Во всех резолюциях и заявлениях подчеркивалось сугубо «азиатское» начало новой организации; по отношению к европейской социал-демократии, повинной в сговорах с колониализмом, была проведена черта демаркации. «АСК» объявляла себя нейтральной «третьей силой».

Тем не менее было ясно, что дело обстоит не совсем так. За спиной азиатских социал-демократов виднелись их покровители в Европе. На конференции в Рангуне присутствовал сам лидер лейбористской партии, бывший премьер-министр Англии Эттли. «АСК» была формально принята в Социалистический интернационал, хотя и на правах «самостоятельной организации». Глава «АСК» У Ба Све заявил, что «Азиатская социалистическая конференция» и Социалистический интернационал «должны выработать общую точку зрения по всем основным вопросам современности». В частности, было решено подготовить совместную программу по колониальному вопросу. Нити с Лондоном — резиденцией европейского интернационала и штаб-квартирой лейбористов — были закреплены и записаны в устав. Представители «АСК» начали участвовать в конгрессах Социалистического интернационала, делегаты интернационала — в сборищах «АСК». Была ли руководителям «АСК» оказана и финансовая помощь, осталось неизвестным.

Международная правая социал-демократия предпринимала важную попытку. Цель заключалась в том, чтобы «загладить», вычеркнуть из истории недавних лет скандальный просчет западных социал-демократов в отношении национально-освободительного движения, создать для реформизма широкую базу в Азии и противопоставить ее коммунистам. Координацией деятельности социал-демократических партий дело, разумеется, не ограничивалось. Руководители «АСК» явно готовились к созданию в Азии некоей большой государственной системы. В Бирме, Индонезии, Непале и Израиле (позднее и на Цейлоне) социал-демократические политики к тому времени занимали видные или даже решающие посты в правительствах своих стран. Усилия направлялись к тому, чтобы вовлечь нейтральные азиатские государства в политический и экономический блок, построенный на оси Рангун — Джакарта, то есть вокруг главных основателей «АСК».

При бюро «АСК» в Рангуне были учреждены «Ази-

атский экономический совет» и «Координационный комитет по изучению профсоюзного движения в Азии». Один из проектов намечал созыв конференции азиатских стран для создания «общего рынка», другой — создание федерации «некоммунистических» стран Юго-Восточной Азии: Бирмы, Цейлона, Малайи, Таиланда, Лаоса и Камбоджи. Здесь острее направлялось прямо против коммунистического Вьетнама. Такая же экспансия намечалась в дальнейшем и в Западной Азии. В 1958 году «АСК» даже приняла решение отправить миссию «для выявления социалистических сил на Среднем Востоке».

Как далеко шли эти планы, видно из намеков, делавшихся в те годы во влиятельных органах английской буржуазной печати, хорошо осведомленных о замыслах, доминирующих в Социалистическом интернационале лейбористских политиков. Еще в октябре 1952 года, за три месяца до основания «АСК» в Рангуне, лондонская газета «Таймс» в статье, озаглавленной «Сила, противопоставленная коммунизму?», писала:

«Возможно, что националистические движения в Азии и других местах, соединившись с Западом, найдут в демократическом социализме более здоровую альтернативу по отношению к коммунизму. Это даст социализму (социал-демократии.— Э. Г.) возможность сыграть важную роль... Несомненно, что европейский социализм захочет обсуждать свои проблемы в своей внутренней среде... Но если Интернационал хочет стать мировой организацией, он должен понять, что это (дейтельность в Европе.— Э. Г.) — второстепенная проблема».

Несколько лет спустя орган Сити «Экономист» повторил тот же намек: «Если новый Интернационал (социал-демократии Запада.— Э. Г.) проявит в течение ближайших нескольких лет действительно энергичную инициативу в Азии, то он сможет совершить большое дело в мировой политике».

Операция была задумана широко. Результаты обнаружилась уже в первой половине 60-х годов.

Возглавить национально-освободительное движение и укрепиться у власти социал-демократам в Азии не удалось нигде, кроме одного островка и одной мандатной территории старой Британской империи. В нескольких крупных странах они сначала, как казалось, прорва-

лись вперед, но затем, круто повернув вправо и примкнув к реакционному крылу местной буржуазии, потерпели крах и целиком утратили свои первоначальные позиции. В других странах социалистические партии, потерпев такие же неудачи, после некоторых колебаний и зигзагов пошли по новому пути: повернули влево и начали сотрудничать с коммунистами. Там им действительно удалось одержать успехи и укрепить свои позиции. Но это привело к другому: связь таких социал-демократических партий в Азии с правой социал-демократией в Европе ослабела или даже вообще оборвалась. И в том и в другом случае план международного правореформистского руководства внедриться в Азию и взять реванш у коммунистов потерпел провал.

Глядим на Индонезию, одну из ключевых азиатских стран с населением 112 млн. человек. Здесь у социал-демократов после войны как будто действительно имелись серьезные шансы. Уже через несколько месяцев после основания независимой индонезийской республики лидер вновь созданной социалистической партии Шарир стал во главе правительства и, с коротким перерывом, продержался у власти до середины 1947 года. Этого, как оказалось, было достаточно, чтобы дискредитировать индонезийскую социал-демократию.

То, что начало происходить в стране, было трагедией для рядовых индонезийских социалистов, с энтузиазмом вступивших в партию. Став министрами, Шарир и его соратники занялись не проведением срочных социальных реформ, а сговором со старыми поработителями Индонезии, голландскими колонизаторами, отказывавшимися признать независимость республики. В то же время началось сближение социалистов с ультрареакционной мусульманской партией Машуми, основанной торговцами, ростовщиками и помещиками. Правительство социал-демократа Шарира сдавало голландцам индонезийские опорные базы, заключало с ними соглашения, бросало снятые с фронта войска против крестьян, проводивших явочным порядком земельную реформу. Дело объяснялось просто: главное для Шарира и его группы был не антиколониализм, а антикоммунизм. Когда же голландцы все же были изгнаны народом, Шарир, возражая против установления дипломатических отноше-

ний с СССР, начал выступать за сближение с Западом и сотрудничество с иностранными монополиями. От социализма в его политике не осталось и следа.

Индонезийская социалистическая партия так и не оправилась от этого потрясения. Рабочие, крестьяне, прогрессивные интеллигенты начали покидать ее ряды, и на всеобщих выборах в 1955 году за нее было подано не более 2% голосов. Дело дошло до того, что в 1958—1960 годах сторонники Шарира вместе с главарями партии Машуми открыто выступили на стороне ультра-реакционеров, поднявших мятеж против правительства Сукарно. Последовал запрет партии как подрывной организации. Спустя 15 лет после своего рождения индонезийский реформизм, запятнавший себя переходом на сторону крайне правых, бесславно сошел со сцены, так и не сумев закрепиться в этой важной позиции на юго-востоке Азии. В настоящее время остатки индонезийской социалистической партии поддерживают правящий военно-полицейский режим. Один из ее бывших лидеров, Сумитро, вступил в кабинет генерала Сухарто, проводивший массовые казни коммунистов.

Что произошло в соседней большой стране, Бирме? Почти то же самое. Здесь тоже сначала казалось, что волна азиатской социал-демократии подымается над берегами. Потом все отхлынуло назад. Причины были такие же, как в Индонезии.

Бирманская социалистическая партия возглавлялась деятелем, который вместе с индонезийцем Шариром считался наиболее ловким реформистским политиком в Азии — тем самым У Ба Све, который в 1953 году стал во главе «азиатского социалистического интернационала» — «АСК». Его сторонники подобоострастно называли его «большим тигром» и предрекали ему карьеру азиатского Бисмарка. Уже в 1947 году У Ба Све стал генеральным секретарем правящей организации национально-освободительных сил Бирмы — «Антифашистской лиги народной свободы» (АЛНС). На первых парламентских выборах в Бирме в 1952 году социалисты завоевали 60% всех депутатских мест: за ними пошла мелкая буржуазия и значительная часть трудящихся. Но руководство партии состояло из представителей компрадорской буржуазии и помещиков — тех, кто больше всего боялся социализма. У Ба Све, явно координировавший свои действия с Шариром, выступил за исклю-

чение бирманских коммунистов из АЛНС, объявление компартии вне закона и вооруженное подавление революционно-патриотических сил. В Бирме, как и в Индонезии, социал-демократы оказались справа от умеренной группы национальной буржуазии.

На короткое время У Ба Све удалось сосредоточить в своих руках почти диктаторскую власть: он стал премьер-министром, военным министром, министром планирования. По его приказу против коммунистов были сразу брошены армия и полиция. Когда умеренное крыло национальной буржуазии отказалось следовать этой политике и решило прекратить гражданскую войну, уволенный со своих постов У Ба Све по примеру Шарира тотчас же перешел к тактике различных закулисных интриг с военными кругами. На выборах в 1960 году за бирманскую социалистическую партию голосовало уже только 20% избирателей; сам У Ба Све даже не попал в парламент. Позиции партии были утеряны. Два года спустя бразды правления в Рангуне перешли в руки правительства генерала Не Вина, распустившего все старые политические партии.

Бирманская социал-демократия сошла со сцены, не просуществовав и двух десятилетий. План создания реформистской оси Рангун — Джакарта, которая должна была вдохновить правых социалистов в Индии, Малайе, Непале, на Цейлоне и в других соседних странах и создать противовес коммунизму в Азии, потерпел крушение прежде, чем был доведен до первого этапа своего осуществления.

Сумели ли азиатские реформисты добиться успеха по крайней мере в Индии, где их первая партия была основана еще в 1934 году и где некоторые национальные условия и традиции «ненасильственных действий», казалось бы, должны были им благоприятствовать?

В лондонском бюро Социалистического интернационала несомненно рассчитывали, что на сцене в Индии появится такая же сильная партия лейбористского или хотя бы полулейбористского типа, какие возникали в Австралии, Новой Зеландии, Канаде, позднее и в некоторых других уголках старой Британской империи. Тысячи индийских студентов десятилетиями обучались в английских колледжах и многие из них сближались с лейбористами. Европейская социал-демократия крайне нуждалась в мощном союзнике в сердце Азии. Но и

в самой Индии многие были готовы присоединиться к социалистической партии. В 1957 году за социалистов в Индии голосовало 17 млн. человек. Казалось, что путь открыт и здесь.

Для того, однако, чтобы двинуться вперед, занять ключевые позиции в стране, только что сбросившей вековое английское иго и сразу же столкнувшейся с острейшими социальными проблемами, индийская социал-демократия должна была сделать по крайней мере один шаг. Она должна была противопоставить политике буржуазных лидеров Индийского национального конгресса такую программу, которая сразу решительно привлекла бы на ее сторону новые десятки миллионов людей из низов населения: программу глубоких социальных преобразований. Ничто другое не могло в этой измученной вековым гнетом колонизаторов, помещиков и ростовщиков стране принести настоящего успеха.

Оказалось, что и у индийских социал-демократов, хотя и более опытных и менее авантюристических, чем их собратьев в Индонезии и Бирме, на это никак не хватило духу. Все, на что они решились, была программа «децентрализации экономики и государственного управления», развития мелкой промышленности, использования «малых машин» и широкого привлечения иностранного капитала. Пойти дальше, посмотреть в корень проблем индийского общества, они не осмелились.

С 50-х годов в Индии действовали уже две социалистические партии — Народно-социалистическая и Социалистическая (ныне Объединенная социалистическая). Первая из них, руководители которой были непосредственно связаны с Шариром и У Ба Све, пошла по пути непримиримого антикоммунизма. Дело не раз доходило до того, что эта партия откатывалась далеко вправо от буржуазного Национального конгресса. Ее бывший председатель Мехта впоследствии перешел к Национальному конгрессу и был назначен министром в его правительстве. Когда в 1957 году, после победы коммунистов на выборах в штате Керала, там было создано левое правительство, Народно-социалистическая партия не остановилась перед тем, чтобы в целях свержения этого правительства объединиться с крайними реакционерами, в том числе католическими церковниками и английскими плантаторами. Во время острых клас-

совых боев, вспыхнувших в городах и деревнях Индии, социал-демократы из этой партии продолжали фактически стоять на стороне реакции. Одно время они даже заигрывали с крайне правой партией «Сватантра», созданной крупными помещиками, монополистами и бывшими князьями.

По счету пришлось платить и здесь. За 10 лет, с 1957 по 1967 год, число избирателей, голосовавших за Народно-социалистическую партию в Индии, сократилось с 11 млн. до 4,5 млн. Ведущая более осторожную политику Объединенная социалистическая партия пытается исправить положение. В ряде районов, где кипит наиболее острая политическая борьба — в частности в Западной Бенгалии и в штате Керала, — она сотрудничает с коммунистами. Но для правой индийской социал-демократии итог послевоенных десятилетий ясен. Несмотря на свою численность и свои далеко идущие замыслы, приблизиться к власти она так и не сумела. Южная, как и Юго-Восточная, Азия остается фактически вне сферы влияния международной социал-демократии, а речь здесь — если взять только Индию, Индонезию и Бирму — идет о зоне с более чем 600 млн. человек.

Следующий вопрос, глядя на карту: проникли ли социал-демократы в важнейший район дальше к западу, ныне один из центров мировой политики — на Ближний Восток?

Если рассматривать правых баасистов как некую географическую разновидность азиатского реформизма, то ответить на вопрос как будто следует «да». Действительно, крайне правый баасизм, одно время властвовавший в нескольких арабских странах, можно считать смесью реформизма с безудержным национализмом и иступленным антикоммунизмом. Правобаасистские партии в Сирии и Иордании официально примыкали к «АСК». Летом 1963 года, в дни господства кровавого режима экстремистского крыла баасистов в Ираке, и еще тремя годами позже лондонский бюллетень Социалистического интернационала прямо назвал эти партии «братскими партиями „АСК“». Несомненно, что у руководителей крайне правого баасизма тоже были далеко идущие планы. Они намеревались объединить под своим руководством Сирию, Ирак, Иорданию и другие

арабские государства, искоренить посредством массовых казней и арестов идеологию коммунизма на арабской земле и в конечном счете создать в пространстве от Средиземного моря до Персидского залива свою собственную «систему», смыкающуюся с «системой» У Ба Све и Шарира. Кроме массовых убийств иракских коммунистов, ничего из этой программы не осуществилось. Запятнав себя потоками крови, крайне правый реформизм на Арабском Востоке дошел до грани фашизма, но той большой государственной системы, о которой мечтал, не построил. В июле 1968 года к власти в Багдаде в результате государственного переворота вновь пришла правобаасистская группа. Время покажет, в каком направлении будет развиваться ее политика. Но от прежних «великих» планов правого баасизма на Арабском Востоке, по существу, ничего не осталось.

В Сирии у власти прогрессивное левое крыло баасистов, осуществляющее ограниченное сотрудничество с коммунистами. В Кувейте и Саудовской Аравии социал-демократии нет. В Ливане Социалистический интернационал попытался несколько лет назад использовать примыкающую к нему через «АСК» Прогрессивную социалистическую партию для создания с ее помощью «действенного социалистического строения в арабском мире», но сегодня эта партия стоит на левом фланге социал-демократии. В Адене в списки Социалистического интернационала была внесена организация под названием Народно-социалистическая партия. Заняв антиколониалистские позиции, она подчинилась своему влиянию «Фронт освобождения оккупированного южного Йемена» (ФЛОСИ) и надеялась с его помощью возглавить страну. Но когда дело дошло до освобождения Адена, победа осталась за организацией «Фронт национального освобождения». Летом 1968 года руководимая социал-демократом Абдаллой эль-Аснаджем группа ФЛОСИ связалась с американскими кругами и подняла мятеж против нового революционного правительства в Адене, но потерпела крах.

Можно добавить, что одно время европейская социал-демократия, в частности французская, рассчитывала распространить свое влияние и на Северную Африку—на страны Магриба, где национально-освободительные силы в 50-х и 60-х годах начали создавать новые партии и правительства. В Алжире ставка делалась на

группу Бен-Хедды, взгляды которого кое в чем совпадали со взглядами правых социал-демократов. В 1961 году Бен-Хедда стал главой алжирского правительства, что у ряда деятелей Социалистического интернационала вызвало радужные надежды. Некоторые из них даже считали, что приход к власти этой группы в Алжире может привести к серьезной перестановке сил в арабском мире. Но уже два года спустя Бен-Хедда навсегда утратил власть. В Тунисе такие же надежды возлагались на часть руководителей правящей национал-реформистской социалистической партии Дустур. Но и здесь национально-освободительные силы пошли своим путем, оставшись за чертой Социалистического интернационала. Импортировать европейский реформизм на Арабский Восток не удалось.

Только в Израиле, созданном на бывшей подмандатной территории Англии, правая социал-демократическая партия «Мапай» стала у власти с самого начала и правит страной уже свыше 20 лет, опираясь на США. Без денег, оружия, дипломатии и 6-го флота США она править не может. Главный результат ее политики за это двадцатилетие — нескончаемые конфликты и войны с арабами, угрожающие прежде всего жизненным интересам самого израильского народа. Прочной, сильной базой для международной социал-демократии на Ближнем Востоке, как это одно время предполагалось в Лондоне, Израиль стать не может.

В послевоенные годы на азиатской сцене появлялись и многие другие, поспешно созданные реформистские организации, на которые их покровители вначале возлагали те или иные надежды. Некоторые из них как будто все еще влачат жалкое существование, но чем они занимаются — неизвестно. Совершенно исчезли со сцены, как если бы их не было, социал-демократические партии в Иране, Таиланде, Пакистане.

Даже в Малайзии, где, как известно, английское влияние все еще сохраняется, принадлежащая к Социалистическому интернационалу Партия демократического действия располагает всего лишь одним местом в парламенте. Единственным уголком, кроме Израиля, где реформизм действительно смог укрепиться, оказалось другое бывшее британское владение: маленький остров Сингапур с населением менее двух миллионов человек, где Англия пока еще владеет военной базой. Здесь правя-

щая социал-демократическая Народная партия действия поддерживается значительной частью местной, в частности китайской, буржуазии. В последнее время она пытается выйти на дорожку независимой политики. В пространстве Юго-Восточной Азии этот островок остается крупиной.

Если говорить о правых социал-демократах, то итог их операций в послевоенной Азии, как бы ни считать и ни пересчитывать, для каждого наблюдателя ясен: несмотря на прилагаемые ими огромные усилия, цель не достигнута. Из примерно 20 социал-демократических партий, начавших действовать на этом материке после войны, ни одна не свершила больших дел и ни одна — если не считать мечущейся в водовороте ближневосточного кризиса израильской партии «Мапай» — не играет роли на современной международной сцене. Некоторые из этих партий, как, например, индонезийские социал-демократы, с позором изгнаны со сцены, почти половина этих организаций исчезла с поверхности политической жизни. О прежних ширококестельных планах азиатского реформистского интернационала «АСК» — формально все еще существующего, но фактически с 1961 года бездействующего — сегодня больше не говорят.

Причина этой неудачи налицо. Действуя в совершенно иных исторических и географических условиях, чем европейские реформисты, азиатские правые социал-демократы все же повторили основные ошибки своих собратьев в Европе. Они тоже сделали ставку не на низы народа, а на союз с антикоммунистической буржуазией. Расплата была неизбежна и тут. Опыт Шарира, У Ба Све и правых баасистов только подтвердил в специфической азиатской обстановке опыт Носке, Шейдемана, Отто Бауэра и их соратников. Если европейская социал-демократия, находясь у власти, не сумела остановить натиск фашизма, то азиатская не защитила национально-освободительное движение народов своего материка ни от империализма, ни от азиатской реакции.

Значит ли это, что вся азиатская социал-демократия движется по такому пути и потерпела такое же поражение?

Отнюдь нет, и это подтверждается тем, что происходит с ее левым крылом.

Примером может служить опыт японской социалистической партии, за которую в 1967 году голосовали

почти 13 млн. избирателей. После ряда колебаний и срывов в годы, когда социалисты участвовали в японских правительствах вместе с представителями проамериканской буржуазии, их партия, не спрашивая разрешения у «АСК», избрала для себя иную дорогу, чем индонезийские, бирманские и иные реформисты Азии. Порвав с правым крылом, основавшим собственную партию, японские социалисты довольно решительно выступили против американского империализма. Они потребовали расторжения японо-американского военного пакта, вывода американских войск из страны, ликвидации военных баз США на японской территории, создания безатомной зоны на Тихом океане. Социалистическая партия не побоялась выступить за дружбу Японии с Советским Союзом.

Старые колебания у японских социалистов еще не изжиты, многие из их руководителей по-прежнему склоняются то вправо, то влево. Социалистическая партия отказывается от создания широкого единого фронта демократических сил и платит за это избирательными неудачами, как на выборах в верхнюю палату парламента летом 1968 года. Но какой-то шаг вперед все же сделан. Там, где японские социалисты уже идут вместе с коммунистами, достигаются несомненные успехи. В 1967 году на выборах нового мэра города Киото, древней столицы Японии, за кандидата блока коммунистов и социалистов проголосовало более 52% избирателей. Губернатором Токио был избран кандидат того же блока, при выборах на Окинаве также победил единый кандидат демократических сил. Сегодня за социалистической партией идут трое из каждых десяти избирателей страны. За отколовшихся от нее под вывеской «Партии демократического социализма» правых социал-демократов голосует в четыре раза меньше. Можно утверждать, что ни одна другая социал-демократическая партия в какой-либо из больших азиатских стран не добилась такого влияния, как СПЯ. Ясно, что поворот против империализма сыграл в этом решающую роль. Ясно и то, какое значение для дела мира в районе Тихого океана могло бы иметь осуществление единства рабочего движения в Японии.

Такие же левые веяния, как у японских социалистов, заметны сегодня и в социалистических партиях Южного Вьетнама, Малайзии, Цейлона, Филиппин, Сингапура. Все говорит за то, что перед движущимися вперед социал-демократами в Азии будущее открыто. Но столь

же ясно, что это уже не та старая, правая социал-демократия, которую знал и знает мир. У лучших, самых смелых из ее представителей другой политический мозг и другое сердце.

Многое указывает на то, что от европейской правой социал-демократии отделяются наиболее жизнеспособные социалистические партии и на другом континенте «третьего мира» — в Латинской Америке. Положение большинства из них было в последнее десятилетие незавидным. Число коммунистов в латиноамериканских странах за это время удвоилось, возникло несколько массовых компартий, в районе Карибского моря образовалось государство, строящее социализм. Правая социал-демократия в Латинской Америке по сей день ничего крупного не создала. Факт таков, что самые значительные и активные социалистические партии на этом материке — Социалистическая партия Чили и Социалистическая народная партия Мексики — даже не принадлежат к Социалистическому интернационалу и идут своими путями. С другой стороны, в некоторых из местных реформистских партий заметно влияние левых элементов, дезорганизующих рабочее движение.

В прошлом европейские реформисты интересовались этим континентом еще меньше, чем Азией; страны к югу от США считались не заслуживающим внимания политическим захолустьем. Когда после войны в разных странах Латинской Америки зажглись огоньки народных движений против империалистов, латифундистов и военных хунт, реформистские политики в Европе все еще почти не реагировали. Потом, когда огоньки начали разрастаться и отблески стали видны даже в окнах лондонского бюро Социалистического интернационала, в столице Уругвая, где социалистическая партия существовала еще с 1910 года, был спешно создан Латиноамериканский секретариат лондонского центра. Предполагалось, что этот секретариат делается таким же координирующим органом, как бюро «АСК» для Азии в Рангуне, поможет местной социал-демократии стать на ноги и вырасти в серьезную политическую силу. Ничего этого не произошло. Второй из континентов «третьего мира» также не принял правого реформизма.

Ни в одной латиноамериканской стране, не считая нескольких принадлежавших Англии мелких островов и колоний (Тринидад, Ямайка, Гайяна), социал-демо-

краты старого, «европейского» типа не пришли к власти. Серьезного влияния добилась только повернувшая решительно влево Социалистическая партия Чили. За социалистами в Аргентине пошло 3,8% избирателей, в Уругвае — 3,5%, в Панаме они получили одно место в парламенте, в Колумбии — ни одного. Латинская Америка бурлила, загоралась и выходила на арену большой мировой политики. Правая социал-демократия, как и в Азии, оставалась позади.

Оказалось, что вправо от коммунистов ведущие позиции в борьбе с империалистами, олигархиями и военными хунтами заняли не социал-демократы, а буржуазные радикальные партии. В некоторых странах слева от социал-демократов оказались даже католические христианские демократы. В Эквадоре социал-демократы вначале стали на сторону военной хунты, совершившей государственный переворот. В Боливии они сделали то же самое и вступили в правительство захватившего власть генерала Барриентоса. В Гайяне они сблизилась с основанной европейскими дельцами реакционной партией Объединенная сила. На Ямайке они вступили в сговор с местными торгово-промышленными кругами. В Аргентине они оказали поддержку реакционному правительству генерала Арамбуру, пытавшегося бороться с рабочим движением с помощью осадного положения. Инициатива в борьбе за разрешение жгучих социальных и национальных проблем разбуженных латиноамериканских стран оставалась у коммунистов и левых буржуазно-революционных партий. Латиноамериканский секретариат Социалистического интернационала продолжал существовать, подавать советы, рассылать инструкции. Но план создать новую реформистскую «систему» к западу от Европы дал осечку.

Когда это стало ясно для всех, латиноамериканские социал-демократы сами пересмотрели свою судьбу, как это начали делать японские социалисты. В последние годы многие из их партий повернули влево. Это произошло в Уругвае, Бразилии, Аргентине, Эквадоре, Коста-Рике, отчасти в Мексике и других странах. В Чили, где рабочий класс организован особенно хорошо, социалистическая партия сомкнулась с коммунистами в Едином профсоюзном центре и Фронте народного действия; на муниципальных выборах в 1967 году она собрала свыше 14% голосов. В настоящее время она может считаться

ведущей социалистической партией Латинской Америки. Но правые социал-демократы в других латиноамериканских странах продолжают топтаться на месте. Азиатский опыт реформистов подтвердился в совершенно иных географических и политических условиях.

В 1966 году стратеги Социалистического интернационала по Латинской Америке сделали, наконец, ход, который, видимо, показался им чуть ли не гениальным. На конгресс интернационала в Стокгольме были приглашены представители латиноамериканских партий, никогда не имевших ничего общего с социалистическим рабочим движением: буржуазно-реформистских партий Перу (АПРА), Коста-Рики (партия Национального освобождения), Венесуэлы (партия Демократическое действие) и Парагвая (Ферберистская партия). Несмотря на наличие в этих организациях широких слоев трудящихся — а в некоторых из них — левых группировок, многие из их руководителей открыто исповедуют антикоммунизм. Лидер венесуэльской партии Бетанкур и лидер костариканской партии Фигерес, будучи в свое время у власти, объявили компартии в своих странах вне закона. В 1966 году все эти партии были торжественно приняты в Социалистический интернационал на правах «членов-наблюдателей».

Нельзя отрицать, что этот шаг значительно расширил границы международной реформистской организации и как будто превратил ее в реальную политическую силу в Латинской Америке. За национал-реформистскими партиями в Венесуэле, Перу и Коста-Рике идет от 33 до 49% избирателей этих стран; венесуэльская партия Демократическое действие уже годами стоит у власти. Бюллетень лондонского бюро Социалистического интернационала даже заявил в 1967 году, что вступление этой группы латиноамериканских партий в состав интернационала может оказаться «важным началом для будущей координации усилий в мировом масштабе». Но что даст такая сделка международной социал-демократии на деле? Не ускорит ли ее сближение с чисто буржуазными партиями отход влево старых социалистических организаций в Латинской Америке — организаций, все же вышедших из рабочего движения? Выиграет ли социал-демократия с точки зрения самих же ее руководителей от того, что процесс поляризации в ее рядах с удвоенной силой распространится на новую часть света?

Таков послевоенный опыт реформизма на двух из трех континентов «третьего мира». Что, наконец, показывает опыт Африки?

Судить еще рано; процесс зарождения и размежевания политических партий на этом материке далеко не завершен, а в ряде стран по-настоящему и не начинался. Но многое уже бросается в глаза и здесь.

Еще в 50-е годы со стороны руководителей социал-демократии были предприняты довольно решительные попытки вмешаться в политическую жизнь Африки, а где возможно — даже захватить в свои руки государственную инициативу. Были старательно использованы старые связи английских колониальных властей и французских социалистов в африканских колониях. Как из Лондона, так и из Парижа стали протягиваться нити к различным новым политическим организациям и деятелям в африканских странах. Из Парижа особое внимание было уделено сближению с влиятельной группой сенегальского политика Сенгора, получившего известность в качестве теоретика так называемого «африканского социализма».

В 1957 году старые местные отделения французской социалистической партии в африканских колониях были объединены в новую организацию под названием «Африканское социалистическое движение». Руководство было передано соотечественнику Сенгора, бывшему депутату-социалисту французского парламента Ламин-Гэю. Успеха новая партия не имела. Но президентом Сенегала стал Сенгор, основавший свою партию. Этот политик считается сторонником европейской социал-демократии в Западной и Экваториальной Африке, хотя официально его партия к Социалистическому интернационалу не принадлежит. Группа Сенгора по-прежнему выступает под знаменем «африканского социализма». Но главной опорой его правящей партии в Сенегале стали в действительности феодальные вожди племен, мусульманское духовенство, новое африканское чиновничество и мелкая буржуазия.

Помимо Сенегала, страны с 3,5-миллионным населением, африканский реформизм смог утвердиться только в двух точках — в обоих случаях на островах. На принадлежавшем Франции острове Мадагаскар (ныне Малагасийская Республика) власть после объявления независимости была передана партии, созданной и здесь

на базе прежнего отделения французской социалистической партии. Ее лидер, как в Сенегале, стал президентом республики. Но и здесь подлинным ядром новой социал-демократической партии оказалась верхушка местной торговой и сельской буржуазии; опорой партии служат также чиновничество и католическое духовенство. На острове Маврикий, входившем в состав английской колониальной империи, правит находящаяся под покровительством английской лейбористской партии партия под тем же названием. В Сомали лондонское бюро Социалистического интернационала поддерживает связь с правящей партией Лига младосомалийцев. Главные сторонники партии — вожди племен, крупные землевладельцы, мусульманское духовенство и чиновники. Немало усилий тратят из Лондона в последние годы и на то, чтобы наладить прочные контакты реформистского интернационала с правящими кругами четырех других африканских стран: Кении, Танзании, Уганды и Замбии. Трудно сказать, в какой мере это им удастся. Европейская социал-демократия всячески обхаживает руководителей этих стран.

Ясно одно. С момента возникновения независимых африканских государств европейская социал-демократия ищет опоры у зарождающейся из среды чиновничества, зажиточной интеллигенции, вождей племен и других слоев африканской буржуазии. С разительной закономерностью повторяется то, что произошло в Азии. Там, где эта буржуазия уже укоренилась, социал-демократы с ней договариваются и кое-где даже приходят к власти. Там же, где национально-освободительная борьба продолжается, результат их усилий равен нулю или почти нулю. Что-то им мешает. Что именно, выяснилось в какой-то мере на конгрессе Социалистического интернационала в мае 1966 года в Стокгольме.

На повестку дня конгресса в качестве одного из главных пунктов был внесен вопрос «Социалистическая мысль и действие в новых странах». На правах гостей были приглашены представители национально-освободительных движений из Родезии, Мозамбика и других африканских стран. Судя по всему, намечалось заключить нечто вроде генерального пакта западной социал-демократии с рядом деятелей борющейся Африки. Но до этого дело не дошло. Когда гости из Африки пожелали выступить по жизненным вопросам своих движений, их

лишили слова. Оказалось, что этого ультимативно потребовали английские лейбористы, испугавшиеся публичной критики отношения своего правительства к расистам в Родезии.

Африканской социал-демократии за пределами нескольких островов и мелких стран еще нет. Возникнет ли она в широких масштабах — неизвестно. Реформисты на Западе рассчитывали насадить ее и приковать к себе с помощью тех или иных слоев формирующейся африканской буржуазии и примыкающего к ней чиновничества. Но когда дело доходит до практических решений по коренным, жизненным для Африки вопросам, они все еще не могут преодолеть своего страха перед народами этого материка: *они боятся африканской революции, как раньше боялись европейской и азиатской.* Вот почему двери Африки остаются в большинстве стран закрытыми для Социалистического интернационала по сей день.

Мы попытались вкратце проверить, чего добились правая социал-демократия за послевоенные десятилетия на трех континентах «третьего мира» после того, как решилась вырваться за пределы Европы. Как уже сказано, это важный исторический вопрос.

Нельзя сказать, что ей ничего не удалось. Она сумела основать, заново оживить или «аффилировать» в Азии, Латинской Америке и Африке несколько десятков партий, привлечь избирателей как из среды трудящихся, так из мелкой буржуазии, кое-где стать у власти. В некоторых важных странах она, как казалось, была временами близка к тому, чтобы занять одно из первых мест в общественной и государственной жизни.

Но проходили годы, и первые места занимали другие — либо партии слева от нее, либо военные группы. Она проигрывала политические сражения в «третьем мире» точно так же, как проигрывала их в Европе, теряла позиции и здесь, как когда-то в Германии, Австрии или Франции. Все повторялось на новый лад, но в сущности по тем же старым причинам. Правая социал-демократия и тут, на «свежей» территории, помогала буржуазии против рабочего класса, и тут вступала в сговор против коммунистов, и тут мешала продвижению стран на социалистический путь развития.

Но главная причина ее поражения в «третьем мире» не только в этом, не просто в обычной для нее политике блокирования с правыми силами. Дело и в особых условиях, с которыми она столкнулась в этих районах мира. На экономически отсталых континентах нарождающийся рабочий класс не подвергался десятилетиями методическому превращению реформистами, как в высокоразвитых странах Западной Европы. Ко времени бурного развития рабочего движения здесь к услугам правой социал-демократии почти нигде не нашлось ни закостеневшей в своем сытом эгоизме рабочей аристократии, ни укоренившегося, изощренного бюрократического аппарата. Это, разумеется, не значит, что так при всех условиях будет обстоять дело и в дальнейшем и что у правой социал-демократии в «третьем мире» вообще нет никаких перспектив. Нельзя исключить, что в странах Азии, Африки и Латинской Америки, которые идут по капиталистическому пути развития, место для правых социал-демократов, как кое-где это уже наметилось, найдется. Не следует забывать: реформизм живуч.

Но в настоящее время баланс его деятельности в этих районах сомнений не вызывает.

Ни на одном из трех материков правая социал-демократия, за редкими исключениями, ничего не сделала для разрешения назревших гигантских социальных и политических проблем «третьего мира». Она либо делала вид, что не замечала этих проблем, либо придумывала в ответ на них жалкие паллиативы, либо же в сговоре с реакцией прямо препятствовала их разрешению, как в Индонезии и Бирме. Только левые силы в рядах социал-демократов на этих континентах сумели вырваться из порочного круга — но ценой отхода от западного реформизма. Цена эта может в дальнейшем стать очень дорогой для нынешнего руководства Социалистического интернационала.

Результат был везде один и тот же. Ни в Азии, ни в Латинской Америке, ни в Африке правая социал-демократия не сумела по-настоящему выправить для себя положение, возникшее после столкновения ее европейских партий с национально-освободительным движением. Сделать реформизм действительно глобальной силой не удалось.

Сегодня многие правые социал-демократы признают это сами. Они уже не рассчитывают на победоносное

наступление своих союзников в «третьем мире». 4 февраля 1967 г. в лондонском бюллетене Социалистического интернационала был опубликован отчет о беседе одного из европейских социал-демократов с деятелями запрещенной социалистической партии в Индонезии. В отчете говорилось: «Индонезийские лидеры откровенно признают, что после своей продолжавшейся столько лет изоляции они изголодались по международным контактам. Но хотя они были бы счастливы приветствовать гостей из социалистических партий Западной Европы и получить от них материальную помощь, они исключают какую-либо возможность включения индонезийского социалистического фронта в Социалистический интернационал. Они надеются, что социалистическое сотрудничество в Азии, в котором Социалистическая партия Индонезии до своего запрета участвовала с воодушевлением, может оживиться вновь. Когда мы рассказали им о положении разных социалистических партий в Азии и намекнули, что такая возможность отдалена, они согласились...».

Созданный при Социалистическом интернационале специальный «комитет по делам развивающихся стран» продолжает неустанно работать, созывать конференции, налаживать связи, рассылать литературу. Но «третий мир» в рамки правой социал-демократии не вмещается.

Есть ли у социалистов, несмотря на все это, будущее на заокеанских континентах? Подчеркивая значение их взаимопонимания с народами этих районов, бывший председатель Социалистического интернационала Альсинг Андерсен заявил при открытии сессии совета Интернационала в Осло 2 июня 1962 г.: «Социалистический интернационал должен развиваться или умереть». В том же году голландский социал-демократ Тинберген писал в органе Социалистического интернационала:

«Демократические социалисты будут в состоянии играть хотя бы скромную роль на сцене мировой политики только в том случае, если у них будет общая международная программа, отвечающая интересам современного мира. По своему рождению наше движение интернационально, но оно не двигалось в ногу со временем и осталось европейским по своему характеру».

«Развиваться или умереть». Дилемма поставлена правильно. Но кто будет ее решать? Вернемся к твердыне реформизма — к европейской социал-демократии.

Куда идет социал-демократия? Мы знаем, куда она шла в последние 50 лет. Спорить о том, что она потерпела тяжелое историческое поражение, не приходится; свидетель — сам современник. Но что же дальше? Будет ли она и впредь продолжать бег на месте, по-прежнему терять позиции, отступать, мешать рабочему классу продвигаться вперед к социализму? Можно ли считать, как считают некоторые, что другого пути у нее нет и быть не может?

Ответить простым «да» на этот вопрос было бы, на наш взгляд, неправильно. Дело обстоит сложнее. Нельзя отождествлять социал-демократов с социал-демократизмом, рабочих-социалистов с реформистской идеологией, реформистской политикой. Нельзя поэтому утверждать, что у социал-демократов в наше время уже нет будущего. За ними и сегодня во всем мире идут свыше 70 миллионов избирателей. История никогда не закрывает окончательно дорогу организациям, в которых участвуют широкие массы, даже если руководители этих организаций ведут их в тупик. Вернее сказать, что перед современной социал-демократией открыты два пути.

Старый путь испробован и изведен до последней извилинки. Если социал-демократия с него не сойдет, ее историческая судьба как одной из крупнейших международных политических организаций действительно решена. Она не выдержит великих политических и социальных битв в оставшихся десятилетиях XX века и либо окончательно переродится в обычную либерально-буржуазную партию, либо захиреет.

Не секрет, что многие правые социал-демократические лидеры вполне готовы к первой перспективе и ничего другого не хотят. Руководитель социал-демократической партии Западной Германии, нынешний вице-канцлер Брандт однажды заявил, например: «Либеральный социализм увлекает консервативные и либеральные силы, ибо он сам воспринял либеральные по-

буждения и элементы консерватизма». Правый австрийский социал-демократ Лезер призвал социалистические партии «преодолеть остатки марксистского учения». Не случайно и то, что идея вечности капиталистических или — по новейшей реформистской терминологии — «неокапиталистических» отношений в той или иной почти не завуалированной форме маячит в послевоенных программах многих социал-демократических партий.

Трудно сказать, удастся ли правым лидерам осуществить подобные планы. Но выбора социал-демократическим партиям не избежать. Оставаться в стороне от решающих сражений между капитализмом и социализмом, выжидать, куда склонится чаша весов, исходить из принципа «моя хата с краю» социал-демократия не может. Выбирать же надо уже теперь. Путь, по которому эта партия шла до сих пор, бесспорно, оказался выбором в пользу капитализма.

Почему правый социализм в свое время сделал этот выбор? Это весьма существенный вопрос, от ответа на который многое зависит. Теперь ясно, что дело было не просто в тяготении к буржуазии, но и в чем-то еще, отсюда производном: в каком-то особенном, можно сказать, патологическом *страхе перед коммунизмом*.

Именно этот страх объясняет почти все в действиях современной правой социал-демократии. Не антикапитализм, а антикоммунизм был главным двигателем ее политики за последнее столетие. Отсюда ее окончательный отказ от классовой борьбы, ее сожителство с буржуазными партиями, ее отступление без боя перед фашизмом.

Из страха перед коммунизмом германская социал-демократия сдала позиции контрреволюционной военщине, передавшей в свою очередь власть Гитлеру, а французская социал-демократия в 30-х годах пошла на раскол Народного фронта, преграждавшего дорогу коллаборационистам. Из-за антикоммунизма социал-демократические партии накануне второй мировой войны не поддерживали советскую программу коллективной безопасности в Европе, а после войны перешли в лагерь НАТО. Из-за антикоммунизма их партии в Европе отвернулись от национально-освободительного движения, от народов трех континентов. Основным побуждением всегда была все та же боязнь мировых революционных сил.

«Что вредно коммунизму, то полезно социал-демократии», — так в 50-х годах сформулировал негласную доктрину правых социалистов их противник — английский левый лейборист Бивен. Жить с такой доктриной и не терпеть поражений в эпоху непреодолимого движения общества к коммунизму невозможно. Спор с коммунистами становится спором со временем; пока антикоммунизм определяет политику социал-демократии, время против социал-демократии. Так было вчера, и так, если социал-демократы по воле их правого крыла пойдут и дальше по старой дороге, будет завтра.

Чтобы разобраться в том, что теперь предстоит им на этом пути, не требуется больших исследований и домыслов. Это видно и простым глазом.

Во-первых, социал-демократии придется оставаться в союзе с НАТО, той организацией, которая существует для подготовки третьей мировой войны.

Во-вторых, она будет вынуждена и в дальнейшем связывать свою судьбу с авантюрами американского империализма, то есть все глубже и глубже втягиваться в опаснейшую «холодную войну».

В-третьих, социал-демократия волей-неволей окажется соучастницей в деле дальнейшего укрепления нового германского милитаризма, ставшего главной опорой НАТО в Европе.

В-четвертых, и по тем же причинам, ей придется вновь и вновь восстанавливать против себя сотни миллионов людей в странах национально-освободительного движения.

В-пятых, социал-демократия в ряде континентально-европейских стран будет вынуждена по-прежнему опираться на коалицию с правыми клерикальными партиями — теми партиями, хозяева которых смертельно ненавидят социализм и делают то, что хочет монополистический капитал.

В-шестых, наконец, социал-демократии придется еще раз в критический период истории взять на себя ответственность за продолжение раскола рабочего движения — раскола тех сил, которым суждено противостоять войне, реакции и неофашизму.

Что все это сулит социал-демократии, ясно. Никакая большая политическая партия, как бы изворотлива и опытна она ни была, не может в наше время сохранить свое влияние и своих сторонников, предлагая такую

программу. Социал-демократия пережила немало тяжелых лет; несмотря на это, благодаря терпеливости ее сторонников, ей не раз удавалось сохранять и заново укреплять свои позиции. Это известно. Но, может быть, никогда в ее истории ее виды на будущее, считая в десятилетиях, не были столь мрачны, как теперь.

Многие вдумчивые и честные социал-демократы это понимают. Чувство растерянности, уныния, безнадежности росло в последнее время даже в кругах реформистских руководителей. «В социалистическом рабочем движении царит беспокойство, неуверенность, неопределенность», — заявил несколько лет назад видный теоретик социалистической партии Австрии Чернец. В речи на одном из съездов итальянской социал-демократической партии делегат Вильянди сказал: «Поражения социал-демократических партий Европы могут продолжаться до тех пор, пока социал-демократы не окажутся, наконец, совершенно вытесненными с политической арены из-за неумения открыто выступить против монополий с программой коренных преобразований».

Действительно, на что и на кого может надеяться эта партия, оставаясь на старом пути? Нельзя обойти и этот вопрос.

В прошлые времена правую социал-демократию неизменно поддерживала и в трудные часы выручала старая гвардия реформизма — рабочая аристократия. Теперь положение иное. Состав рабочего класса меняется, рабочая аристократия старого типа сошла или сходит со сцены. Подачки за счет колониальной сверхприбыли, которыми она так долго кормилась, иссякают. Научно-техническая революция также обернулась против правого социализма. Инженерно-техническая интеллигенция, которую эта революция выдвигает вперед и часть которой в ряде стран поддерживает социал-демократию, занимает в большинстве случаев несравненно более прогрессивные и смелые позиции, чем занимала рабочая аристократия. Ей скорее свойственно двигаться влево.

Не может заменить старую гвардию реформистов и социал-демократический слой вновь созданной государственно-монополистической бюрократии. Эти чиновники, тесно связанные с дельцами, не руководят массами; рабочие их не любят и им не верят. Помимо всего — это сравнительно узкий слой.

Мелкая буржуазия, после войны нередко переходившая на сторону правых социалистов и помогавшая им одерживать успехи на выборах, едва ли может считаться надежной опорой реформизма, особенно в периоды экономических спадов и политических кризисов. Во многих странах эти слои колеблются между консерваторами и клерикалами, с одной стороны, и левыми силами — с другой. В случае серьезной депрессии на Западе та часть неустойчивой мелкой буржуазии, которая не повернет влево к коммунистам, может даже опять и довольно быстро переориентироваться на фашизм, как это, по-видимому, уже начинает происходить в ФРГ. Это опять-таки грозит сужением социальной базы правой социал-демократии.

Наконец, что особенно важно, она явно перестала привлекать молодежь. Современной молодежи наскучил бег на месте. Она требует смелых идей и смелых действий — против угрозы войны, против угрозы безработицы, против застоя буржуазного общества. Смелых идей у правой социал-демократии нет, смелых действий она боится как огня. Отказаться же от поддержки молодежи не может ни одна партия в мире, не желающая умереть.

Правда, у реформистов все-таки еще остаются немалые резервы, и это нельзя недооценивать. За ними во многих капиталистических странах по-прежнему идут довольно широкие слои служащих; кое-где, как во Франции и Швеции, служащие стали или становятся социальным ядром социал-демократических партий. В Швеции подсчитали, что на стороне социал-демократов стоит каждый второй служащий в стране. Этим слоем трудящихся дело, разумеется, не ограничивается. В таких странах, как Англия, Швеция, Норвегия, где социал-демократы под напором низов провели ряд мероприятий, улучшивших материальное положение трудящихся, значительное большинство рабочего класса продолжает голосовать за эти партии, хотя в то же время требует от них более смелой внутренней и внешней политики. Но гарантии для будущего в такое бурное время, как наше, это реформистам не дает.

Мир движется все быстрее и быстрее. Борьба между капитализмом и социализмом обостряется, новое повсюду пробивает себе дорогу и властно требует своего. Стоять сложа руки люди, зависящие от поддержки

масс, в такую эпоху не могут. Вполне возможно, что правым руководителям социал-демократии, которые всегда любили «выжидать» и откладывать решения, хотелось бы отложить осуществление социализма до XXI, а может быть и до XXII века. Многим из них это было бы приятнее всего. Но жизнь не ждет, она требует выбора сейчас. У партий, которые предпочитают не сдвигаться с места, нет будущего. Рано или поздно, история засыпает такие партии песком.

Есть ли у социал-демократов — по крайней мере, искренних социалистов среди них — при наличии воли возможность выправить положение и сыграть положительную роль в рабочем движении? Есть. Несмотря на все, что было, двери перед ними не закрыты.

Тот же полувековой опыт подчеркивает одно обстоятельство. Там, где социал-демократы, хотя бы временно отказавшись от антикоммунизма, шли плечом к плечу с коммунистами в борьбе за экономические и политические права трудящихся, за мир, против реакции и фашизма, там они сплошь и рядом добивались вместе с коммунистами больших, временами исключительных успехов. Это можно проверить в стране за страной.

Так было в начале 30-х годов в Испании, когда социал-демократы совместно с коммунистами руководили созданием новой республики. Так было в 1934 году во Франции, когда созданный по решению обеих партий и радикал-социалистов Народный фронт победоносно отбил первый натиск фашистов и — если бы не был раскол — вероятно, изменил бы всю судьбу Франции.

Так было в первые послевоенные годы в той же Франции и Италии. Французским правительствам того времени, в которые входили социалисты и коммунисты, удалось провести национализацию угольной промышленности, производства электроэнергии и газа, ряда банков, ввести систему социального страхования рабочих. Созданное в 1945 году с участием социалистов, коммунистов и других партий итальянское правительство передало безземельным крестьянам необработанные помещичьи земли, снизило арендную плату, ввело подвижную шкалу заработной платы, запретило увольнение рабочих без согласия профсоюзов.

Так было в 30-х и 40-х годах. Но то же подтверждает опыт текущего десятилетия. Повсюду, где социал-демократы и коммунисты начинают идти в ногу, они доби-

ваются настоящих, реальных успехов для рабочего движения и для дела мира — успехов не на словах, а на деле.

Уже говорилось о том, сколько свежей жизненной энергии влилось в социалистические партии в тех странах за пределами Европы, где они открыли огонь по империализму и начали по-новому думать о своих отношениях с коммунистами. Достаточно назвать Японию. Факт таков, что с того момента, как японская социалистическая партия вступила в решительную борьбу против американского империализма и правого правительства в своей стране, она стала одной из наиболее жизнеспособных партий во всем Социалистическом интернационале. У немногих старых, «заслуженных» социал-демократических партий в Европе есть такой живой контакт с массами, как у нее. Реформистские иллюзии не исчезли и здесь: до настоящего, целеустремленного объединения левых сил в борьбе за власть дело не дошло. Многое в этой части земного шара еще в стадии горения и становления. Но когда социализм одержит победу над империализмом у берегов Японского моря, немалая часть заслуги в этом историческом достижении несомненно будет принадлежать тем левым социалистам Японии, которые уже поняли важность дела единства рабочего движения.

Есть и другие заокеанские страны, где социалистическое движение стало оживать, вступив на путь единства действий с коммунистами, например в Латинской Америке. Ясно, что в таких странах социалистов к этому с особой силой толкает острота борьбы с американским империализмом и покорной ему местной олигархией. Но дело уже не только в этом.

Сегодня совершенно очевидно, что такой же процесс взаимного притяжения и сближения происходит или намечается и в Европе — на континенте, где проблем национально-освободительного движения нет. Мало того. Оказывается, что в процесс этот начинают включаться не только такие социал-демократические партии, где уже в прошлом действовало сильное левое крыло. Характерно как раз то, что на сближение с коммунистическими партиями в последние годы нередко шли некоторые из тех старых социал-демократических партий, что прежде стояли на правом фланге Социалистического интернационала и накопили немалый опыт антикомму-

низма. Можно привести два примера. И тот, и другой примечательны тем, что в подготовительной работе по осуществлению единства действий с коммунистами и созданию союза левых сил принимали участие не только низы, но и верхи социал-демократических партий.

Первый пример — Франция. Французскую социалистическую партию еще не так давно никак нельзя было отнести к левому крылу Социалистического интернационала. Это общеизвестно, и пересказывать историю послевоенных лет нет нужды. Но несколько лет назад положение изменилось. Во главе социалистической партии остались те же руководители, и никакого переворота в их идеологии и теоретических установках не произошло. Сама жизнь стала толкать социалистов на поиски новых политических путей.

Режим личной власти во Франции отбросил социалистов, когда-то почти бесценно участвовавших в буржуазных правительствах и игравших немалую роль в парламентских и государственных делах, далеко назад. Не только ее членам, но и некоторым лидерам стало ясно, что на позициях резкого, воинствующего антикоммунизма для социалистов дальше дороги — кроме дороги к полной изоляции и упадку — нет. С 1947 по 1958 год эта партия потеряла 75% своего состава; в настоящее время число ее членов сократилось до 70 тыс. человек. В декабре 1965 года французские социалисты вместе с левобуржуазными организациями, также оттесненными в Пятой Республике, пошли на шаг, вселивший во многих французов, помнивших дела и чаяния Народного фронта 30-х годов, большие надежды: произошло объединение коммунистов, социалистов и других левых организаций в избирательный блок, выставивший на президентских выборах единого кандидата. Соглашение себя оправдало: в первый раз со времени установления режима личной власти во Франции левым удалось потеснить правых. Кандидат социалистов, коммунистов и левобуржуазных групп Миттеран собрал тогда 45,5% всех голосов.

Урок был учтен. На чрезвычайном съезде французской социалистической партии член руководства Клод Фюзье заявил: «Не существует будущего без союза всех левых сил с целью завоевания власти и создания совместного правительства». На том же съезде генеральный секретарь партии Ги Молле призвал французских

социалистов «сделать все, чтобы союз левых сил стал возможным, и во всех случаях не предпринимать ничего, что мешало бы этому». Оказалось, что ничего невозможного в этом нет.

Прямой контакт, заменивший прежнее разобщение, позволил обеим партиям согласовывать или хотя бы сближать свои точки зрения по многим вопросам повседневной политической борьбы, по которым раньше между ними шли горячие, порой бурные споры. Сначала между коммунистами и социалистами (входящими теперь вместе с левобуржуазными группами в «Федерацию демократических и социалистических левых сил») было заключено новое соглашение о сотрудничестве в дни выборов, затем достигнута договоренность о совместной платформе по ряду важных политических и экономических проблем. Коммунисты и социалисты объявили, что будут совместно бороться за устранение режима личной власти, за улучшение положения трудящихся, за отказ от атомных ударных сил, создание в Европе безъядерных зон, признание границы по Одру — Нейсе, организацию коллективной безопасности и безусловное прекращение американских бомбардировок во Вьетнаме.

Это было немало. Если вспомнить, как далеко стояли коммунисты и социалисты Франции друг от друга в 50-х и еще в начале 60-х годов, то соглашение по этим пунктам можно было назвать событием. Ни одна из двух партий ничего не навязывала другой. Ни одна не требовала каких-либо покаяний или отказа от принципов. По ряду существенных пунктов, в частности в области внешней политики, разногласия между коммунистами и социалистами оставались в силе и так и были оговорены: например, по вопросу об «интеграции» Европы, об отношениях с Соединенными Штатами или об условиях вывода израильских войск из арабских территорий. Но основному соглашению о совместной борьбе эти разногласия не помешали; в этом и заключалось новое. Коммунисты и социалисты Франции доказывали на практике, как две партии рабочего движения могут в наше время идти навстречу друг другу наперекор всем препятствиям.

События 1968 года показали, что на пути к единству рабочего движения во Франции все же сделан только первый шаг и впереди еще немало трудностей. Это об-

наружилось уже в дни мощного забастовочного движения в мае и последовавших за ним парламентских выборов, когда французская реакция перешла в бешеное генеральное наступление. Накануне выборов французские коммунисты сделали все, чтобы еще раз доказать свою верность идее единства. Выступая за замену личной власти народным правительством демократического союза, они заявили, что не претендуют на власть для одних себя, а займут в народном правительстве подобающее им по праву место. Мало того, коммунисты подтвердили, что в случае прихода к власти будут согласны на наличие многих партий в условиях социалистической демократии.

Это было прямым ответом противникам единства, которых среди социалистов во Франции еще немало. Тем не менее предложение коммунистов выдвинуть на выборах совместную программу союза демократических сил было социалистической партией отвергнуто. Несомненно, что это помогло режиму личной власти выиграть избирательную битву и закрепиться у руля. Нельзя отрицать и то, что руководство социалистической партии в те же критические дни не проявило лояльности по отношению к коммунистам; попытки сформулировать новое правительство предпринимались им через голову коммунистической партии. И все-таки результаты парламентских выборов во Франции в 1968 году показали: если бы социалисты выступили перед избирателями изолированно, вне блока с коммунистами, они потерпели бы тягчайшее поражение. Это неоспоримый факт. Французские коммунисты сделали все, чтобы укрепить левый блок, но использовать себя как орудие они не позволят никому.

Опыт сотрудничества между коммунистами и социалистами во Франции, имеющий немалое международное значение, еще не завершен. Избирательные соглашения между ними остаются в силе. Время покажет, как будут в дальнейшем развиваться их отношения. Французская социалистическая партия сохраняет свои взгляды, не исключая и многих из ее антикоммунистических установок, и для того, чтобы расчистить путь к эффективному единству, сделать предстоит еще много. События в Чехословакии летом 1968 года осложнили положение. Правые силы в социалистической партии сразу бросились в атаку, разжигая антисоветские настроения. Но главных

задач, стоящих перед французским рабочим классом, эти события не устранили и не изменили. Хотя на съезде французской социалистической партии в декабре 1963 года правые лидеры побудили партию, по существу, отступить от ее прежних позиций по вопросам единства и говорят теперь лишь о совместной «чисто оборонительной тактике», французские коммунисты решительно продолжают борьбу за союз левых сил. Международная реакция рассчитывает использовать усиление напряженности не только против Советского Союза и мировой социалистической системы, но и против рабочего движения в отдельных капиталистических странах. Французские коммунисты и социалисты одинаково заинтересованы в том, чтобы отбить это наступление внутри и вне страны, не допустить победы врагов мирного сосуществования. Но это значит — не разъединять силы левых.

Второй пример не менее, если не более, показательный — пример Финляндии. Финская социал-демократия была на протяжении десятилетий самой антикоммунистической из всех социал-демократических партий. Вправо от нее среди них не было никого. Она была единственной социал-демократической партией в мире, которая во второй мировой войне стояла на стороне Гитлера. Ее руководитель Таннер совершенно открыто проповедовал «братство по оружию» с фашистами в Германии и Финляндии и в 1944 году был назван правой шведской газетой «Дагенс нюхетер» «самым ценным союзником немецкой миссии в Финляндии». На предельно агрессивных антикоммунистических позициях финская социал-демократия оставалась и после войны. Внутри страны она сотрудничала с крайне правой коалиционной партией.

Только через полтора десятка лет после войны правые социалисты Финляндии стали сознавать, чего стоили им антикоммунизм и сотрудничество с реакцией. На президентских выборах в 1962 году они потеряли треть своих избирателей, на состоявшихся вслед затем парламентских выборах процент поданных за них голосов оказался самым низким с 1907 года. Партии грозил полный упадок. Положение спасли более умеренные из ее деятелей, вырвавшие на ее съезде в 1963 году руль из рук крайне правого крыла. Накануне парламентских выборов в 1966 году социал-демократическая партия выдвинула новую, более демократическую и смелую программу,

осуществление которой без поддержки левых, и прежде всего коммунистов, было немислимо. Хотя антикоммунистические предрассудки у многих финских социал-демократов, как и у французских, не исчезли, логика жизни, логика финской экономики и финской внешней политики толкала их на сотрудничество с партией слева. В правительство, созданное после выборов в 1966 году во главе с социал-демократом Пассио и с участием буржуазной Партии центра, вошли коммунисты.

При этом оказалось, что на стороне левоцентристского блока стоит весьма значительное большинство населения. Когда в начале 1968 года произошли очередные президентские перевыборы, за кандидата этого блока Кекконена проголосовало почти 70% всех участвовавших в выборах. Состоявшиеся вслед за тем парламентские перевыборы подкрепили победу. За новое правительство социал-демократа Койвисто, в которое вместе с другими партиями снова вошли коммунисты, высказалось огромное большинство членов парламента — 160 из 200 депутатов.

Как и во Франции, социал-демократы и коммунисты в Финляндии полностью сохраняют свою независимость. Они продолжают выступать со своих позиций, отстаивать свои партийные программы; разногласия между ними по ряду вопросов остаются. Идеализировать достигнутые по сей день их сотрудничеством результаты, недооценивать препятствия на пути к закреплению единства было бы ошибочно и в этой стране. Коммунальные выборы в Финляндии осенью 1968 года принесли потери партиям правительственной коалиции, в том числе социал-демократам и коммунистам. Выяснилось, что избиратели не удовлетворены работой правительства, в котором главную роль играют социал-демократы и буржуазная Партия центра. Сразу же после выборов коммунисты решительно выступили за то, чтобы исправить допущенные правительством ошибки и осуществить ряд назревших реформ, например в области жилищного строительства, пенсионного обеспечения и трудового законодательства. В Финляндии подтвердилось, что одних принципиальных и формальных соглашений о единстве мало; рабочим партиям, договаривающимся о сотрудничестве, надо решительно и поделовому осуществлять программу, отвечающую чаяниям народа.

Но и пример Финляндии — еще одной страны, где отношения социал-демократов и коммунистов были в про-

шлом предельно напряжены,— показывает, что сотрудничество между ними в наши дни при наличии воли и терпения в ходе разрешения спорных вопросов — вполне реальное дело. Финские коммунисты не отказываются от критики социал-демократов, но, с другой стороны, не отрицают, что в прошлом и позиция их собственной партии не всегда способствовала единству. Сотрудничество налаживается в профсоюзах, в парламенте, в местных муниципалитетах. Это подтверждают и социал-демократы. «Опыт установления членами нашей партии личных контактов с коммунистами, а также контактов на правительственном и парламентском уровнях, на очень широком уровне в деятельности коммунальных органов дал положительные результаты,— заявил известный финский социал-демократ П. Бурман.— Непосредственная информация развеяла многие предрассудки и ошибочные представления». Точки зрения обеих партий сближаются и по таким вопросам, где расхождения в прошлом, как казалось, заходили особенно далеко. В апреле 1968 года исполком финской социал-демократической партии опубликовал резолюцию по германскому вопросу, в которой указывалось на необходимость признания существования двух германских государств, признания границы по Одеру — Нейсе и отказа обоих государств от ядерного оружия. Когда в ноябре 1968 года руководители НАТО предпринимают попытки включить Финляндию в так называемую «серую зону» своих «оборонительных» мероприятий, орган финских социал-демократов «Суомен социалидемокраатти» заявляет: «Оставьте Финляндию в покое!»

Не только финский рабочий класс, но и весь народ Финляндии чувствует перемену. Нейтральная Финляндия живет спокойнее, чем большинство капиталистических стран в Европе. Финны с уверенностью глядят в будущее. Они ни с кем не враждуют и никого не опасаются. Несмотря на различие социальных систем, между Финляндией и Советским Союзом установилась самая искренняя дружба. Советский Союз целиком одобряет стремление Финляндии сделать Северную Европу безатомной зоной, и всячески содействует развитию финской экономики. Сойдя в своем большинстве с позиций воинствующего антикоммунизма, социал-демократия здесь тоже добилась успеха и для себя, и для всего рабочего движения.

Действительно, достаточно сравнить нынешнее положение финской социал-демократической партии хотя бы с положением западногерманской, заблокировавшейся с реваншистами и играющей роль пристяжной у клерикалов, чтобы наглядно убедиться, какое огромное значение имеет теперь для судеб социал-демократов выбор путей. У первой из этих партий — стабилизация после тяжелого кризиса, ведущая роль в правительстве, пользующемся поддержкой парламентского большинства, плодотворный контакт с прогрессивным крылом рабочего движения. У второй — полная неуверенность в завтрашнем дне, растущее беспокойство в низах, повторные серьезные неудачи на выборах, а главное — угроза во второй раз стать орудием реакции, чтобы затем вновь оказаться за бортом.

Сходные проблемы возникают для социал-демократов и в других странах. Вот почему сдвиг влево в их настроениях ощущался в последнее время во всех реформистских партиях Европы. В Италии социалистическая партия по примеру западногерманских социал-демократов все время сотрудничает не с коммунистами, а с клерикалами. Без помощи ее лидера Ненни старая буржуазная партия христианских демократов не могла бы десятилетиями оставаться у власти в Риме. После парламентских выборов в мае 1968 года итальянские социалисты сумели подсчитать, сколько им стоит эта политика: их партия потеряла свыше полутора миллионов избирателей. «Это самый большой провал за всю историю итальянского социалистического движения», — писали в те дни итальянские газеты. Коммунисты и отделившиеся от партии Ненни левые «унитарные» социалисты (Итальянская социалистическая партия пролетарского единства) получили на тех же выборах около 10 млн. голосов; за этими партиями пошла треть всех избирателей страны.

Стало ясно, что народ не хочет блока правых социалистов и клерикалов. И еще более ясно стало другое: если бы в Италии был создан союз всех левых сил — социалистов, коммунистов, левых демохристиан, как это предлагают коммунисты, то правительство этого союза было бы самым сильным и действенным из всех, какие страна знала за всю свою современную историю.

Вместо того чтобы держать Италию на положении южного придатка НАТО и хинтерланда американского 6-го флота, такое правительство смогло бы сделать ее

действительно самостоятельной и влиятельной державой. Опасность, из года в год угрожающая Италии со стороны реакционных и неофашистских сил, готовящихся с американской помощью повторить в Риме эксперимент «черных полковников» в Афинах, была бы предотвращена. По примеру Франции Италия могла бы освободиться от опеки американских «ястребов» и боннских реваншистов. Левый блок приступил бы к разрешению острых проблем, десятилетиями не дающих покоя итальянской экономике, итальянскому рабочему классу, итальянскому крестьянству. Все это сегодня ясно каждому мыслящему и непредвзятому социалисту в Италии.

За сближение с коммунистами выступают теперь не только унитарные социалисты, но и многие члены право-социалистической партии Ненни, испуганные результатами последних выборов. На созванном в октябре 1968 года съезде этой партии выясняется, что она разделена на пять фракций. Делегаты не могут прийти к соглашению и никакого решения о предстоящей партийной политике съезд не принимает. Почти половина членов ЦК в той или иной форме выступает против линии Ненни. В то же время в ряде итальянских городов уже действуют объединенные социалистическо-коммунистические муниципальные «джунты», почти все стачки в стране проходят под совместным руководством коммунистов, социалистов и левых католиков. Летом 1968 года итальянские коммунисты, унитарные социалисты и руководители левобуржуазной группы «независимых» выдвигают совместную программу, которая может быть положена в основу работы левого правительства. Очередь за социалистами. Если сторонникам единства в их рядах удастся взять верх над антикоммунистами и оторвать свою партию от реакционных сил, они помогут изменить не только обстановку в своей собственной стране, но и обстановку во всем районе Средиземного моря, уже давно тревожащую друзей мира.

На западных берегах этого моря, в Испании, возможность таких перемен уже наметилась. Сближение левых сил в Испании, в первую очередь коммунистов и социалистов, а вместе с ними и оппозиционных буржуазных группировок, в первый раз за 30 лет открывает конкретную перспективу покончить с фашистской диктатурой Франко. Без этого Испания возродиться не может; здесь тоже ключ к национальному обновлению в руках обеих

партий рабочего движения. Многие испанские социалисты начали это понимать.

Сложнее положение на севере и северо-западе Европы (кроме Финляндии), где старые реформистские партии укоренились особенно глубоко и приходят к власти на продолжительные сроки. Несмотря на это, а, вернее, именно в связи с этим, левая оппозиция во всех этих партиях в последние годы явно росла. Объяснить это не трудно. Рядовые социалисты в таких странах волей-неволей делают вывод, что ни коалиционные буржуазные правительства с участием социалистов, ни «чисто» социал-демократические правительства так и не справляются с делом. Подтверждается, что ни те, ни другие не могут по-настоящему решить задачи, которые ставят им жизнь и народы в динамический XX век.

Бурлит лейбористская партия, уже так часто приходившая к власти в Англии и считающая себя самой успешной из всех социал-демократических партий в мире, помимо шведской. Дрожит под напором непрерывно сменяющих друг друга экономических и внешнеполитических кризисов правительство Вильсона. На ежегодной лейбористской конференции осенью 1967 года принимается решение отмежеваться от американской политики во Вьетнаме. За решение, несмотря на сильнейший нажим руководства, голосует подавляющее большинство делегатов. После девальвации фунта стерлингов и принятия правительственного бюджета на 1968 год, предусматривающего дальнейшее снижение уровня жизни трудящихся путем замораживания заработной платы и увеличения налогообложения, в лейбористской парламентской фракции и — что важнее — в крупнейших тред-юнионах вспыхивают новые «мятежи». Факты прямо указывают на то, что сопротивление политике лейбористских верхов исходит из самой туши рабочего класса, а также из среды научно-технической интеллигенции. Для правой английской социал-демократии это предельно опасный сигнал.

На тред-юнионах десятилетиями, еще с начала века, держалась вся ее политика. Макдональд, Сноуден, Томас, Эттли, Бевин, Моррисон, Гейтскелл управляли партией с помощью тред-юнионистских боссов. Теперь виднейшим лидером оппозиции становится Ф. Казенс, глава профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих, самого крупного в Англии, — того же «тред-юниона № 1», стоя во главе которого крайне правые реформи-

сты Бевин и Дикин когда-то вертели лейбористской партией, как хотели. Казенс еще в 1967 году демонстративно вышел из состава правительства, отказавшись согласиться на принудительное замораживание заработной платы. К оппозиции примыкают профсоюзы машиностроителей, научных и административно-технических работников, торговых служащих и другие крупнейшие тред-юнионы. Конгресс тред-юнионов в сентябре 1968 года 7746 тыс. голосов против 1002 тыс. открыто отвергает экономическую политику правительства, в частности замораживание заработной платы. На созываемой вслед за тем ежегодной конференции лейбористской партии за ту же правительственную политику толосуют делегаты 1124 тыс. членов, против — 5098 тыс. Это неслыханное в истории лейбористской партии оппозиционное большинство. За выход Англии из НАТО и ее переход к политике нейтралитета голосуют 2335 тыс. Лейбористское руководство угрожает недовольным строжайшими дисциплинарными мерами. По заявлению председателя генсовета тред-юнионов Райта, намечен план законопроекта, который поставит профсоюзы в такое же бесправное положение, в каком они находились сто лет назад. Но заставить оппозицию замолчать правые не могут.

Тем временем партию настигают новые катастрофические неудачи в борьбе за избирателей. На выборах органов местного самоуправления в мае 1968 года она терпит одно из самых сокрушительных поражений в своей истории, теряя свыше 1200 мест в муниципальных советах и сохраняя большинство только в трех из 32 больших городов страны. Если лейбористы в ближайшее время не повернут свою внутреннюю и внешнюю политику влево, как это давно предлагают английские коммунисты и «бунтующие» профсоюзы, они почти несомненно утратят власть на следующих всеобщих выборах и будут отброшены на тоды назад. Выходит, что и для гордой самоуверенной британской социал-демократии на старом пути широкой дороги нет.

Профсоюзы начинают поддерживать оппозицию и в Бельгийской социалистической партии, которая под руководством Вандервельде когда-то также принадлежала к старой гвардии международной социал-демократии. До 30% делегатов партийных съездов в Бельгии толосуют в последние годы против политики правого руководства, сотрудничающего с господствующей партией клерикалов.

На парламентских выборах в некоторых округах выдвигаются единые списки левых социалистов и коммунистов. В 1966 году социалистическая фракция бельгийского парламента решает было порвать с клерикалами и выйти из правительства, но на выборах двумя годами позже партия теряет несколько депутатских мест и снова вступает в коалицию. Игра с клерикалами начинается сначала. В Голландии на чрезвычайном съезде социал-демократической партии треть делегатов высказывается за признание ГДР. Для голландских социал-демократов, издавна связанных с немецкими, это шаг вперед. И в Бельгии, и в Голландии руководство остается в руках правых, отказывающихся и думать о союзе левых сил. В то же время и в той, и в другой стране социал-демократические партии в середине 60-х годов терпят поражения на выборах.

Есть признаки, что не все спокойно и в стране скандинавской социал-демократии, так долго считавшей себя непобедимой в этом углу Европы. В 1965 году, после непрерывного 30-летнего пребывания у власти, терпит тяжелое поражение на выборах и уходит из правительства норвежская рабочая партия. Главные причины — проналовский курс правых лидеров, их нерешительность во внутренней политике, уступки буржуазным партиям, отказ от объединения левых сил для борьбы за социальные преобразования. Иначе говоря, речь идет о старых-пре-старых грехах реформизма, за которые уже столько заплачено. В начале 1968 года в свою очередь лишается власти Социал-демократическая партия Дании. Ей даже не удается обеспечить себе место в новом коалиционном правительстве; буржуазные партии обходятся без нее. Но зато более чем удваивают на выборах число своих мест в датском парламенте «левые радикалы» — партия буржуазная, но в массе своих членов настроенная против участия страны в НАТО.

Еще совсем недавно не была уверена в своем будущем даже шведская социал-демократия, единственная в мире правящая своей страной уже на протяжении 36 лет. На областных и местных выборах осенью 1966 года за нее голосовал самый низкий процент избирателей с 1934 года. Оказалось, что особенно ослабело ее влияние среди молодежи: симптом опасный. Партия остается на реформистских позициях. Нужно признать, однако, что и здесь под давлением низов уже заметны кое-какие

сдвиги. Собранный в июне 1968 года съезд шведских социал-демократов резко осуждает американскую политику во Вьетнаме. В то же время принимаются некоторые решения по внутренней экономической политике, которые хотя и не выходят за рамки реформистского «регулирования капитализма», но все же означают уступку левым. На последних выборах шведские социал-демократы вновь укрепили свои позиции.

Мы констатируем знаменательное явление. Англия, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, ФРГ — во всех этих старых «уделах» социал-демократии ее партии в последнее время терпят неудачи или даже серьезные поражения на выборах. Что-то происходит с их избирателями. И во всех этих странах и районах социал-демократия, в отличие от социалистической партии Финляндии, придерживается старого, более или менее откровенно антикоммунистического курса. Там — движение вперед. Здесь — откат назад. Это уже не домыслы или утверждения, а факты, подтверждаемые точными цифрами избирательной статистики. Проверка опять проведена самой жизнью.

Откуда в лагере международной социал-демократии исходит сопротивление политике единства действий рабочего движения — политике, уже наглядно доказывающей свою правоту на деле? Это существенный вопрос.

Конечно, в каждой социал-демократической партии где бы то ни было в капиталистическом мире имеются влиятельные силы, как бы навсегда застывшие на антикоммунизме и не способные сдвинуться с места — если только не еще дальше вправо. Как правило, это коренные представители, «зубры» реформистской бюрократии, люди, по сути дела, давно перешедшие на сторону чужого класса; социал-демократические политики и чиновники, гораздо теснее связанные с капиталом, чем с народом. Но попытаемся ответить на наш вопрос под другим углом зрения, в международном разрезе. Можно ли утверждать, что агрессивный антикоммунистический лагерь внутри Социалистического интернационала в настоящее время группируется преимущественно вокруг каких-либо определенных социал-демократических партий?

Да, можно. В недрах Социалистического интернационала действует, и действует неутомимо, крайне правое

крыло. Сторонники этого крыла готовы на все, чтобы отвлечь социал-демократические партии от нового пути, удержать их на старом. Ядро крайне правых составляют нынешние руководители социал-демократии в Западной Германии, Австрии и Италии. К ним можно причислить «гэйтскелистов» в Англии, а также бывших социал-демократических лидеров, бежавших из социалистических стран; их антисоветская активность со времени событий в Чехословакии в 1968 году удвоилась. Иначе говоря, речь идет в первую очередь о прямых и законных наследниках тех, на ком лежит немалая доля ответственности за наступление фашизма в Европе в первой трети века. Сегодня эти деятели берут на себя ответственность за продолжение союза социал-демократии с американским империализмом, германским реваншизмом и крупной буржуазией в отдельных странах.

Мир прошел через небывалый по динамизму и потрясениям исторический период, но крайне правые реформистские политики как будто ничего не увидели. Они ничему не научились и ничему учиться не хотят. Как и десятилетия назад, когда Гитлер стоял у ворот Европы, антикоммунизм перевешивает и подавляет все в их мышлении и побуждениях. Опыт миллионов рядовых социал-демократов в довоенное и послевоенное время им ни о чем; они готовы глядеть в любую сторону, только не вперед. Принцип «взлет и падение, взлет и падение» для социал-демократических партий остается в их глазах неизблемым, идея вечного капитализма (под видом «неокапитализма») — неизменной. Классовому рабочему движению рассчитывать на этих деятелей фактически уже не приходится; многие из них сплетены с монополистической буржуазией не только политическими, но и личными финансовыми узами. Не глядя в будущее, крайне правые реформисты живут в прошлом. Им и суждено отойти в прошлое, как давно отошли туда русские меньшевики.

Есть ли у крайне правых реальные силы? Да, есть. В их руках не только руководство социал-демократическими партиями Западной Германии и Австрии и довольно сильные позиции на правых флангах в социалистических партиях Италии (группа Ненни — Сарагата), Англии, Скандинавии, Финляндии, Швейцарии и других стран. Надо учесть, что влияние правого крыла особенно сказывается в иерархии Социалистического интернацио-

нала. Председатель его бюро — австрийский социал-демократ Питтерман, сторонник союза с «клерикалами». Секретарь Социалистического интернационала А. Карти в конце 1965 года заявил, что «любая социалистическая партия, вступающая в контакт с коммунистами, может быть исключена из Интернационала». На этом основании и была в самом деле исключена Рабочая партия Малайи. Известно, что на происходившем в январе 1967 года при закрытых дверях совещании руководителей европейских социал-демократических партий в Риме крайне правые вновь высказывались за строжайшее запрещение любых контактов с коммунистами. В августе 1968 года, после чехословацких событий, они провели на заседании генерального совета Социалистического интернационала резко антисоветскую резолюцию. Своих позиций эти реформистские лидеры старой школы не сдают.

Мало того. Некоторые из них даже настаивают на дальнейшем и бесповоротном одвиге социал-демократии вправо — таком, который создал бы между ней и коммунистами почти непроходимую пропасть. С этой целью их теоретики предлагают окончательно и открыто отречься от социализма — даже на словах. «Социалисты во многих странах, — заявил западногерманский социал-демократ Г. Барч, — уже внесли решающий вклад в демократизацию государства и общества, доказали, насколько излишним является «новое общество», то есть социализм». Дальше вправо идти нельзя.

Все говорит за то, что это крыло международной социал-демократии будет препятствовать единству действий рабочего движения до конца. Но сможет ли оно добиться своего?

Время против него. Мешая сотрудничеству социал-демократов с коммунистами, диктуемому историей, эти силы помимо своей воли форсируют процесс поляризации внутри самой социал-демократии. Оппозиция растет в последнее время даже в западногерманской социал-демократической партии, «неприступной» цитадели правых в Социалистическом интернационале, и это особенно симптоматично. Официально сплоченного левого крыла среди деятелей этой партии, не считая некоторых функционеров в землях, еще нет; почти все депутаты социал-демократической фракции в бундестаге, как правило, голосуют по указке правых. Но завтра положение может измениться. Это было доказано последним съездом не-

мецких социал-демократов в марте 1968 года, на котором вступление их лидеров в правительство Кизингера было одобрено большинством в 44 голоса: 173 голосовало «за», 129 — против. Съезд показал, что считать западно-германскую социал-демократию воском в руках правого руководства не приходится. Начинает сдвигаться и эта «гора».

Главное заключается в том, что с политикой этого руководства сталкиваются теперь как раз те три социальные группы, на которых социал-демократическая партия ФРГ строила и строит свою политическую мощь, без которых у нее не может быть будущего: профсоюзы, молодежь и интеллигенция. Ни одна из этих групп не может примириться с ремилитаризацией Западной Германии, с угрозой военной диктатуры, с попустительством неофашизму, с риском новой войны; прошлое слишком свежо в памяти рядовых немцев. Профсоюзы вступают в открытый конфликт с партийным руководством по вопросу о чрезвычайных законах; молодежь прямо угрожает массовым выходом из партии; интеллигенция стоит в первых рядах антивоенных сил. Может ли правое руководство в ФРГ без конца удерживать контроль над партией, ведя хроническую борьбу с теми, кто составляет действительное ядро партийной организации? Может ли оно, например, продолжать сопротивляться воле громадного большинства германских социал-демократов, требующих, чтобы ФРГ поставила свою подпись под договором о нераспространении ядерного оружия? «Если мы не изменим свою внутреннюю и внешнюю политику, то потерпим сокрушительное поражение на парламентских выборах в 1969 году», — заявил летом 1968 года социал-демократический министр экономики земли Гессен Р. Арндт. Исключать, что в политике социал-демократической партии Западной Германии начнутся изменения, больше нельзя. Но что произойдет в Социалистическом интернационале, если на его правом крыле уже не окажется этой партии?

Гарантии, что это случится уже в близком будущем, разумеется, нет. В рядах западногерманской социал-демократии, как и в других партиях Социалистического интернационала, помимо правых и левых, по сей день есть много нерешительных и колеблющихся людей, не знающих, где им стоять и куда повернуть. Социал-демократия всегда изобиловала такими людьми, и этим и теперь

пользуются для своих целей правые. Неужели суждено произойти еще одному империалистическому взрыву, осуществиться еще одной угрозе всему человечеству, чтобы колеблющиеся социал-демократы раскрыли глаза и увидели, куда их ведут?

Несомненно, процесс переоценки ценностей в рядах социал-демократии происходит не так быстро, как хотелось бы нетерпеливому современнику. Но с точки зрения истории, не привыкшей к быстрой и решительности у социал-демократов, процесс этот все же развивается быстрее, чем до войны. Надо признать, что большинство социал-демократов все же многому научились за 50 лет, и особенно за последнюю четверть века. Было бы неправильно думать, что бушевавшие в мире бури не оставили следа в социал-демократических партиях. Прежде всего это относится к трем основным контингентам современного социал-демократического движения, тем же, о которых мы уже упоминали, касаясь западногерманской социал-демократии, — к профсоюзным организациям, молодежи и интеллигенции. Ни одна из этих групп не хочет сегодня повторения опыта реформистов в первой половине века. Судьбу же социал-демократических партий во всех странах в конце концов решают именно эти силы. Надо понять: изменился не только мир, меняются люди, в том числе социал-демократы.

Важно учесть и другое. Социал-демократы, готовые к сотрудничеству, встречали в последнее время и со стороны коммунистов большее понимание, чем в прошлые времена. Условия для этого сотрудничества стали намного благоприятнее со второй половины 50-х годов. Необходимость единства действий рабочего движения подчеркивается во всех новейших программных документах коммунистического движения. На торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 3 ноября 1967 г. Л. И. Брежнев сказал: «Главным препятствием на пути к победе рабочего класса был и остается раскол его рядов. Однако весь опыт, накопленный рабочим движением говорит ему, что единство — жизненная необходимость. Этот опыт убеждает, что различия во взглядах между социалистами и коммунистами не должны быть помехой для сплочения рядов рабочего класса против монополий, против военной опасности, в борьбе за социализм».

В составленной в 1967 году Институтом международ-

ного рабочего движения в Москве книге «Великий Октябрь и мировой революционный процесс» было сказано:

«...Коммунисты учитывают исторические корни социал-демократии, ее место в обществе. Нельзя сбрасывать со счетов, что за социал-демократией идет определенная часть трудящихся; она не может безоговорочно приравниваться к буржуазным партиям. Компартии имеют в виду, что в активе социал-демократии есть определенные завоевания, прежде всего в области экономических и политических прав трудящихся.

Любые проявления сектантства наносят ущерб коммунистическому движению. В этой связи характерен пример Японии. В свое время по совету из Китая КПЯ отказалась поддержать всеобщую забастовку 17 апреля 1964 г. Это привело к ослаблению позиций КПЯ в рабочем движении страны, что вызвало удовлетворение в буржуазных кругах...

Будучи самыми последовательными борцами за демократию, коммунисты, естественно, выдвигаются на первое место в сплоченном строю демократических сил. Но в то же время важно подчеркнуть, что марксисты-ленинцы не мыслят себе победоносного демократического движения без товарищеских, братских отношений между его участниками. Для упрочения единства рабочего класса необходим учет всего многообразия интересов различных его слоев, традиций разных политических течений, необходимо уважение к взглядам братьев по классу»¹.

В середине мая 1968 года в Москве происходили беседы между делегацией Социал-демократической партии Финляндии во главе с ее председателем Р. Пассио и делегацией КПСС во главе с Л. И. Брежневым. В совместном заявлении делегаций, опубликованном 21 мая 1968 г., говорилось: «Делегации обеих партий с удовлетворением констатировали, что в международном рабочем движении развиваются контакты и откровенные переговоры между различными течениями, и выразили надежду на их продолжение, поскольку они способствуют установлению единства действий в защиту мира, против опасности мировой войны, в поддержку социального прогресса... Состоялся обмен мнениями о возможностях и перспективах сотрудничества между коммунистическими

¹ «Великий Октябрь и мировой революционный процесс», М., 1967, стр. 280.

и социал-демократическими партиями как в международном, так и национальных масштабах. Было отмечено, что в условиях международной напряженности, когда особое значение приобретает объединение усилий всех миролюбивых народов, политических партий и общественных организаций в борьбе против опасности мировой термоядерной войны, единство действий в рядах международного рабочего движения, несмотря на различия взглядов в области идеологии, имело бы положительное значение».

Мы видим, что во всех этих документах подчеркивается та же мысль: различия во взглядах на пути и методы борьбы за социализм не должны мешать единству.

Как уже сказано, мобилизация антисоветских сил в разных странах капиталистического мира в связи с событиями в Чехословакии летом 1968 года воздвигла новые преграды на пути сближения коммунистов и социалистов. Правые в реформистских партиях активизировались, атаки на коммунистов возобновились по всей линии. Подняли голову и вновь заговорили языком конца 40-х и начала 50-х годов крайне правые социал-демократы в Западной Германии, Италии, Англии, Скандинавии, Австрии и других странах. Но значит ли это, как говорят теперь эти люди, что на идею единства рабочего движения надо махнуть рукой и повернуть назад?

Человек, помнящий прошлое, но глядящий вперед, с уверенностью говорит «нет». Нельзя согласиться с тем, что из вновь возникших затруднений нет и не будет выхода. Слишком много поставлено ныне на карту для рабочего движения и для всего человечества в целом.

В 30-х годах отсутствие единства в рядах европейского рабочего класса помешало ему справиться с фашизмом и предотвратить вторую мировую войну. Сегодня коммунисты и социалисты не могут позволить себе повторить старые ошибки. Любой участник рабочего движения обязан считаться с реальным положением вещей, и прежде всего с реальностью угрозы третьей мировой войны. Угроза эта не придумана и не преувеличена; вернее сказать, она все еще не осознана во всем своем значении. Факт таков, что еще никогда в истории рабочего движения необходимость в единстве не диктовалась жизнью с такой железной категоричностью, как теперь.

Каковы бы ни были разногласия по тем или иным вопросам — а они, безусловно, продолжают существо-

вать,— ясно: по сравнению с опасностью глобальной термоядерной катастрофы эти разногласия отступают на второй план. Столь же ясно и другое: если коммунисты и социалисты во всем мире, прежде всего в Европе, будут действовать в главных направлениях заодно, катастрофа на этот раз *может* быть предотвращена.

Никто из сторонников социализма, будь то из низов или из верхов, не вправе об этом забывать или ограничиваться одними словами и благими пожеланиями. Действовать надо, пока не поздно. Главное препятствие на пути к единству сегодня, как и вчера,— антикоммунизм и антисоветизм у социал-демократии. Но коммунисты учитывают, что социал-демократы, по крайней мере в своем опроном большинстве, не то же самое, что социал-демократизм. Честные социал-демократические рабочие при всех их реформистских иллюзиях остаются для коммунистов братьями по классу. Социал-демократы же должны учесть, что без коммунистов ни одной жгучей проблемы современного мира не решить.

Коммунисты не требуют от социал-демократов отказа от своей самостоятельности. Они не ставят условием, чтобы социал-демократы переняли их программу или согласились с их философией. Они не намерены вмешиваться во внутренние дела социал-демократических партий. Коммунисты не хотят использовать социал-демократов для каких-то скрытых целей, как никому не позволяют использовать и себя и ни для кого не откажутся от своего мировоззрения. Все, к чему они стремятся, это единство действий *в общих* целях. В том же, что у двух партий есть общие интересы, имеющие огромное значение для каждой из них, сомневаться нельзя.

Первое, в чем целиком и полностью согласны те и другие,— это не допустить новой мировой войны. Второе — не допустить рецидивов фашизма в каком бы то ни было обличье. Третье — бороться за улучшение условий жизни трудящихся на всех континентах. Четвертое — обеспечить и углубить мирное сосуществование различных общественных систем.

Есть и многое другое, в чем точки зрения социал-демократов и коммунистов сходятся или могут быть сведены воедино. Но уже одно их согласие в том, чтобы бороться за мир и социальный прогресс, оправдало бы единство действий. Ведь именно в этом — главное, что нужно человечеству в наши дни.

Пусть философский и теоретический спор между социал-демократами и коммунистами продолжается. Его исход будет решен самой жизнью. Но того, что жизнь ультимативно требует от них вместе теперь, откладывать нельзя.

Коммунисты и социал-демократы *могут* идти вместе, борясь за насущные интересы рабочего класса. Мало того. Они могут действовать сообща и в деле построения социалистического общества. «Коммунистические партии,— говорится в Программе КПСС,— выступают за сотрудничество с социал-демократическими партиями не только в борьбе за мир, за улучшение жизненных условий трудящихся, сохранение и расширение их демократических прав и свобод, но и в борьбе за завоевание власти и построение социалистического общества».

Историческая судьба социал-демократии еще не решена и решить ее должны миллионы ее сторонников. Пойдет ли она по старому пути, уводящему ее все дальше и дальше от социализма и ближе к упадку и вырождению, или изберет, пока не поздно, путь второй — единство действий рабочего движения?

Настоящее и будущее важнее прошлого. Но осмыслить прошлое стоит каждому социал-демократу, который глядит в будущее. Истекшие полвека дали ответ на заданный историей в споре между коммунистами и социал-демократами вопрос. Спор продолжается, но ответ, по существу, уже ясен. Прав оказался Ленин, а не Каутский.

Коммунизм сделал решающий шаг по пути создания нового мирового общества, о котором тысячелетиями мечтали люди, ради которого было основано социалистическое движение. Реформизм остался позади, в стане старого, обреченного общества, и мучительно пытается как-нибудь там закрепиться. Социал-демократия дорого платит за свои исторические ошибки. Сколько еще предстоит ей платить? Ее правое крыло делает все, чтобы заставить ее повторить те же ошибки и в последней, быть может, самой драматической и решающей трети века.

Но дверь к сотрудничеству в рабочем движении — сотрудничеству против сил капитала, реакции и войны — остается открытой. Идти рядом по дороге к миру и социализму коммунисты и честные социал-демократы могут уже теперь.

Цена 14 коп.

